

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ЭЛИЗАБЕТ КЕЙ

Азбука-Аттикус

СЕДЬМАЯ

РОМАН

ЛОУЖЬ

Они делятся друг с другом всем,

кроме ~~правды~~

КНИГА ГОДА!

Мировой бестселлер,
еще до своей публикации
проданный более чем в 30 стран!

Звезды мирового детектива

Элизабет Кей
Седьмая ложь

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кей Э.

Седьмая ложь / Э. Кей — «Азбука-Аттикус», 2020 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-18633-0

Джейн и Марни с детских лет неразлучны. Они делят все на двоих. Им известны самые сокровенные тайны друг друга. Но Марни встречает Чарльза – и все меняется. Потому что Джейн сразу, или почти сразу, чувствует ненависть к нему, такому успешному, лощеному, самодовольному, умеющему и желающему нравиться всем... кроме нее самой. И когда Марни спрашивает, как ее подруга относится к Чарльзу, та решается на свою первую, ма-аленькую и вполне невинную, ложь. В конце концов, даже лучшие друзья держат кое-что при себе. Но если бы Джейн была честна, то, возможно, мужу ее подруги повезло бы чуть больше... Ибо первая ложь никогда не бывает последней. Это только начало. Она приводит к другой лжи, а та – к следующей, и эта цепочка неумолимо растет, приводя к сокрушительному финалу. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18633-0

© Кей Э., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Ложь первая	6
Глава первая	6
Ложь вторая	10
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	28
Глава седьмая	34
Глава восьмая	40
Глава девятая	45
Ложь третья	48
Глава десятая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Элизабет Кей Седьмая ложь

Elizabeth Kay
Seven Lies

© 2020 by Elizabeth Kay

© И. А. Тетерина, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Бобу и Энн Гудсмит – или, как я всегда их называла, папе и маме

Ложь первая

Глава первая

– Вот так я и завоевал ее сердце, – заключил он с улыбкой и, откинувшись на спинку кресла, заложил руки за голову и потянулся.

Хотящее воплощение самодовольства.

Он посмотрел на меня, потом на идиота за моей спиной, затем опять перевел взгляд на меня. Явно ожидал от нас какой-то реакции. Хотел увидеть на наших лицах улыбки, почувствовать наше восхищение, наш восторг.

Я ненавидела его. Ненавидела всепоглощающей, жгучей, прямо-таки библейской ненавистью. Как ненавидела эту историю, которую он повторял каждую пятницу, когда я приходила на ужин. Не важно, кого я приводила с собой. Не важно, с каким дегенератом я в тот момент встречалась.

Он всем рассказывал эту историю.

Еще бы! Ведь речь шла, понимаете ли, о его главном жизненном достижении. Для такого мужчины, как Чарльз, – успешного, состоятельного, обаятельного – красивая, умная и блистательная женщина, подобная Марни, была чем-то вроде медали высшей пробы в его коллекции. И поскольку чужое уважение и восхищение были необходимы ему как воздух, а от меня он ни того ни другого не получал, ему оставалось выжимать их из других гостей.

Меня каждый раз так и подмывало сказать в ответ (но, разумеется, я никогда этого не говорила), что у него пороку не хватит, чтобы завоевать сердце Марни. Сердце, если уж быть честной, а я наконец до этого дозрела, завоевать нельзя! Его можно только подарить и принять. Но ни в коем случае не похитить, не покорить, не разбить, не завладеть им, не украсть его, не приказывать ему что-то. И уж точно не завоевать.

– Сливки? – спросила Марни.

Она стояла у обеденного стола с белым керамическим кувшинчиком в руках. Волосы ее были сколоты в аккуратный узел на затылке, выбившиеся локоны обрамляли лицо, цепочка перекрутилась, и подвеска оказалась рядом с застежкой в ложбинке между ключицами.

– Нет, спасибо, – покачала головой я.

– Тебе я и не предлагаю, – улыбнулась она в ответ. – Я же знаю твои вкусы.

Хочу кое-что сказать тебе, прежде чем мы начнем. Марни Грегори – самая яркая, впечатляющая, поразительная женщина из всех, кого я знаю. Она моя лучшая подруга вот уже восемнадцать с лишним лет – наши отношения официально достигли совершеннолетия, когда уже можно пить спиртное, вступать в брак и играть в азартные игры. Словом, мы подруги с того самого дня, как познакомились в школе.

Был первый учебный день, и все мы выстроились в длинном узком коридоре – вереница одиннадцатилетних ребятишек, по очереди подходивших к столу в дальнем конце холла. Некоторые сбивались в группки по несколько человек, как мыши внутри удава, нарушая упорядоченную цепочку.

Я нервничала, думая о том, что никого здесь не знаю, и морально готовилась провести большую часть следующих десяти лет в одиночестве. Разглядывая эти маленькие компании в коридоре, я пыталась убедить себя, что вовсе не хочу принадлежать к одной из них.

Поторопившись, я сделала слишком большой шаг вперед и наступила на пятки девочке, которая стояла передо мной. Она обернулась. Меня охватила паника; я была совершенно уверена, что сейчас раздастся крик и меня унизят и засмеют на глазах у будущих одноклассни-

ков. Но едва я увидела ее лицо, как от моего страха не осталось и следа. Знаю, это прозвучит смешно, но Марни Грегори похожа на солнце. Я сразу подумала об этом – такое сравнение нередко приходит мне в голову и сейчас. У нее ослепительная кожа, напоминающая сливочный фарфор. Щеки Марни лишь изредка окрашивает нежный розовый румянец – это бывает от физического напряжения или избытка веселья. Ее рыжие волосы вьются яркими красно-золотыми спиралями, а глаза на удивление светлые, разбеленного голубого оттенка.

– Извини, – пробормотала я, отступая на шаг назад, и уставилась на свои новенькие блестящие туфельки.

– Меня зовут Марни, – сказала она, – а тебя как?

Эта первая встреча символизирует наши с ней отношения в целом. Марни обладает той открытостью, той манерой держаться, которая мгновенно располагает к ней. Она безоговорочно уверена в себе, бесстрашна и не задумывается ни о каких камнях за пазухой у окружающих. В отличие от меня. Я боюсь любого проявления враждебности и всегда жду того, что в конечном счете (мне это слишком хорошо известно) обязательно произойдет. Жду, что меня высмеют. В тот день я боялась, что предметом осуждения и насмешек станут мои прыщи на лбу, волосы мышиного цвета, школьная форма, которая была мне явно велика. Теперь переживаю из-за другого – это вечно дрожащий голос, одежда, выбранная мной исключительно с точки зрения удобства, а вовсе не потому, что она мне идет, кроссовки, прическа, обгрызенные ногти...

Марни – свет, в то время как я – тьма.

Я сразу же это поняла. Теперь ты тоже об этом знаешь.

Итак, подошла наша очередь, и сидевшая за столом учительница в голубой блузке рявкнула:

– Имя?

– Марни Грегори, – ответила моя новая знакомая твердым и уверенным тоном.

– Б... В... Г... Грегори. Марни. Тебе – в тот класс, с буквой «С» на двери. Теперь ты, – бросила она мне. – Ты у нас кто?

– Джейн, – пролепетала я.

Учительница оторвалась от списка, который лежал перед ней на столе, и закатила глаза.

– Ой, – спохватилась я. – Простите. Я Бакстер. Джейн Бакстер.

Учительница сверилась со списком:

– В том же классе. Тебе в ту дверь. С буквой «С».

Кто-то мог бы возразить, что наша дружба была продиктована обстоятельствами и что я ухватилась бы за любого человека, проявившего ко мне мало-мальское участие, доброту, любовь. Вероятно, этот скептик оказался бы не так уж далек от истины. В таком случае можно считать, что встреча, а впоследствии дружба с Марни были предначертаны свыше, поскольку потом я тоже стала ей нужна.

Это кажется бредом, знаю. Возможно, это и есть бред. Но временами я могу в этом поклясться.

– Да, будьте добры, – сказал Стэнли. – Я с удовольствием выпью чая со сливками.

Стэнли был моложе меня на два года, однако же успел стать адвокатом с кучей всяких степеней. Светлые, почти белые волосы все время падали ему на глаза, а еще он постоянно ухмылялся, зачастую без особой причины. В отличие от большинства его сверстников, необходимость разговаривать с женщинами не вызвала у него немедленного приступа немоты, – видимо, сказывалось детство, проведенное в окружении сестер. Но в общем и целом он был невыносимо скучен.

Чарльз, судя по всему, наслаждался его обществом. Что ж, это было предсказуемо. И вызывало у меня еще большее отвращение к Стэнли.

Марни через стол передала ему сливочник, аккуратно придерживая блузку на животе. Не хотела, чтобы тонкая ткань – думаю, это был шелк – задела фрукты в вазе.

– Еще что-нибудь? – спросила она, посмотрев сначала на Стэнли, затем на меня и в последнюю очередь на Чарльза.

На нем была рубашка в бело-голубую полоску; несколько верхних пуговиц он расстегнул, и в вырезе виднелся треугольник черных волос. Взгляд Марни на некоторое время задержался на нем. Чарльз покачал головой, и его галстук – который он развязал да так и оставил болтаться на шее – скользнул влево.

– Отлично, – произнесла Марни и, присев к столу, взяла десертную ложку.

В разговоре, как обычно, задавал тон Чарльз. Стэнли мог бы с ним потягаться и при каждом удобном случае вставлял рассказ о каком-нибудь своем успехе, но я скучала, и, думаю, Марни тоже. Мы обе откинулись на спинки кресел, потягивая остатки вина, и каждая была поглощена собственным мысленным диалогом.

В половине одиннадцатого Марни, по своему обыкновению, поднялась и произнесла:

– Так, ладно.

– Так, ладно, – эхом отозвалась я и тоже встала.

Она собрала со стола тарелки и примостила их на сгибе левой руки. Розовая капля сока вытекла из одинокой малинины, лежавшей на одной из тарелок, и запачкала белоснежный рукав блузки. Я взяла опустевшую вазу для фруктов – Марни сделала ее своими руками на каком-то мастер-классе по гончарному делу несколько лет назад, – захватила сливочник и последовала за подругой в кухню, расположенную в глубине квартиры.

Эта квартира – их квартира – была данью их отношениям. Платил за нее, как и за большую часть остальных вещей, Чарльз – по настоянию Марни. Пожалуй, за все три года, прошедшие со дня их знакомства, это был единственный раз, когда Чарльз поступил наперекор себе: он был не из тех людей, что поддаются на уговоры. А вот Марни, напротив, могла без труда уговорить кого угодно на что угодно.

Когда они сюда переехали, это была настоящая конура: тесная, темная, грязная, сырая, расположенная на двух этажах и отчаянно нелюбимая. Но Марни всегда обладала провидческим даром: она способна разглядеть жемчужину там, где ее не увидел бы никто другой. Она умудряется заметить лучик надежды в беспросветном мраке – по мнению Марни, даже я не безнадежна, как это ни смешно, – и твердо верит в свою способность соорудить из ничего нечто потрясающее. Я всегда завидовала подобной уверенности в себе. В случае с Марни эта уверенность проистекает из упорства. Она не испытывает страха потерпеть фиаско, но не потому, что в ее жизни никогда не было неудач, а потому, что неудача для нее всегда была лишь временной заминкой, небольшим препятствием на пути, который так или иначе приводил ее к успеху.

Она трудилась как проклятая – по вечерам и выходным, во время отпуска, – чтобы сделать из этой квартиры конфетку. Своими маленькими ручками она отдирала старые обои, шкурела двери, красила шкафы, укладывала полы, стелила ковровые, шила шторы – делала буквально все. До тех пор, пока эти стены не начали излучать то же тепло, что и она сама, ту же спокойную уверенность, безошибочно распознаваемое и одновременно трудно поддающееся определению чувство дома.

Марни загрузила тарелки в посудомоечную машину, оставляя между ними большие промежутки.

– Так они лучше отмываются, – пояснила она.

– Я знаю, – отозвалась я, потому что она каждый раз говорила одно и то же. Потому что я каждый раз издавала один и тот же звук – негромкое фырканье. Потому что гонять полупустую машину казалось мне расточительством.

– У нас с Чарльзом все очень хорошо, – сказала она.

По спине у меня побежали мурашки, и я распрямилась, чувствуя, как в мои легкие врывается воздух.

До того мы обсуждали их отношения всего однажды, и это был разговор, отягощенный длинной и запутанной историей очень давней дружбы. С тех пор мы с Марни говорили на сугубо практические темы: об их планах на выходные, о доме, который они, возможно, в один прекрасный день купят подальше от Лондона, о матери Чарльза, умирающей медленной, мучительной и одинокой смертью от рака в Шотландии.

К примеру, мы ни разу не коснулись того обстоятельства, что они вместе уже три года и что несколькими месяцами ранее я неожиданно наткнулась в недрах прикроватной тумбочки Чарльза – да, я знаю, что мне не следовало совать туда нос! – на помолвочное кольцо с бриллиантом. Был оставлен без внимания и тот факт, что даже без этого злополучного кольца их совместный путь стремительно приближался к некоей точке невозврата. Оба были готовы принять решение, которое свяжет их друг с другом навечно. И подобные узы – невзирая на дружбу почти двадцатилетней давности – нас с Марни не связывали никогда.

Не обсуждали мы и мою ненависть к Чарльзу.

– Угу, – выдавила я, потому что боялась, что развернутое предложение, да и вообще любой неоднозначный ответ не оставит от нашей дружбы камня на камне.

– Что скажешь? – спросила Марни. – Думаешь, у нас хорошие перспективы?

Я кивнула и перелила остатки сливок из сливочника обратно в пластиковый контейнер из супермаркета.

– Как думаешь, мы ведь подходим друг другу, да?

Я открыла дверцу холодильника и, спрятавшись за ней, медленно – очень медленно – стала пристраивать контейнер со сливками на верхней полке.

– Джейн? – переспросила она.

– Да, – откликнулась я. – Думаю, да.

Это была первая неправда, которую я сказала Марни.

Теперь меня ежедневно мучает один вопрос: если бы я не солгала ей в самый первый раз, пришлось бы мне кривить душой и дальше? Я предпочитаю думать, что та первая ложь была самой незначительной из всех. Но ирония заключается в том, что это не так. Если бы в тот пятничный вечер я была честна с моей подружкой, все могло бы быть – и было бы – по-другому.

Я хочу, чтобы ты это знала. Я полагала, что поступаю правильно. Старая дружба – как узловатая веревка, в одних местах истершаяся, в других – утолщенная, наподобие веретена. Я опасалась, что ниточка нашей любви окажется слишком тоненькой, слишком непрочной, чтобы выдержать груз моей правды. Потому что правда – которая заключалась в том, что я никогда и ни к кому не испытывала такой жгучей ненависти, как к Чарльзу, – без сомнения, разрушила бы нашу дружбу.

Если бы я была честна, если бы я пожертвовала нашей любовью ради их любви, он сейчас наверняка был бы жив.

Ложь вторая

Глава вторая

Что ж, вот она, моя правда. Не хочу впадать в излишний драматизм, но, думаю, ты имеешь право знать эту историю. Пожалуй, тебе даже нужно ее знать. Она принадлежит тебе ровно настолько же, насколько и мне.

Чарльз мертв, да, но это никогда не входило в мои намерения. По правде говоря, я была совершенно уверена, что он будет отравлять мне жизнь своим существованием до конца моих дней. Он принадлежал к числу людей того рода, которые подавляют тебя одним своим присутствием и заполняют собой все вокруг: самый громогласный, склонный к самым широким жестам, самый высокий, широкоплечий, сильный и лучший из всех в любой компании. Он был, если можно так выразиться, живее самой жизни, что сейчас, конечно же, воспринимается горькой иронией. И тем не менее, казалось, сам факт его существования служил подтверждением того, что Чарльз будет всегда.

Мои первые годы – и, полагаю, то же самое будет справедливо в отношении большинства людей – прошли под диктовку семьи. основополагающие решения, определявшие мою повседневность, – где жить, с кем проводить время, даже как себя называть – принимала вовсе не я. Кукловодами, задававшими направление моей жизни, были мои родители.

Однако меня не ограничивали слишком жестко, и я сама могла выбирать, во что играть, с кем, где и когда. И с каждым годом мне давали все больше и больше свободы. Моя семья была для меня всем – до тех пор, пока не превратилась в фундамент, на котором я выстроила собственную личность. Открытие, что я совершенно отдельное от родителей существо, одновременно будоражило и немного пугало меня.

Но мне повезло. Я нашла родственную душу.

Вскоре мы с Марни стали неразлучны. Внешне у нас с ней не было ничего общего, и тем не менее учителя регулярно путали наши имена, потому что нас никогда не видели поодиночке. Мы сидели за одной партой на уроках, вместе прогуливались на переменах и даже домой из школы ездили на одном автобусе.

Надеюсь, что и тебе когда-нибудь доведется пережить подобный опыт. Ты оказываешься всецело во власти юношеской влюбленности и думаешь, что она будет длиться бесконечно, скрепленная новыми переживаниями и неизведанным доселе ощущением свободы. Когда в одиннадцать лет впервые в жизни обретаешь лучшую подругу, слегка теряешь голову. Как это прекрасно – быть кому-то необходимым и самому остро в ком-то нуждаться! Ты испытываешь пьянящее чувство полного взаимопроникновения. Но все эти юношеские привязанности недолговечны. И однажды ты решаешь выпутаться из уз дружбы и устремляешься на поиски любви. Ты начинаешь мало-помалу, ниточка за ниточкой, косточка за косточкой, воспоминание за воспоминанием высвобождаться из этих отношений и наконец становишься независимым и самостоятельным, хотя совсем недавно вы двое были единым целым.

Мы все еще были единым целым, Марни и я, когда после окончания университета переехали в Воксхолл и поселились вместе в небольшой квартирке. Она была современной и располагалась в новом многоквартирном доме, построенном не более чем десятилетие назад в окружении точно таких же домов с точно такими же квартирами за одинаковыми сосновыми дверями по обеим сторонам бесконечных коридоров, застеленных синим ковролином. Линолеум под дерево, глянцевый белый кухонный гарнитур, невыразительные бледно-розовые стены. Точечное освещение во всех комнатах, включая спальни, персиковый кафель на полу в

ванной. Эта квартира почему-то казалась холодной, выставшей, но при этом в ней постоянно было слишком жарко. И тем не менее она стала нашим прибежищем в море слепящих огней и неумолчного шума многомиллионного города, где в то время мы обе чувствовали себя не в своей тарелке.

Тогда все было иначе. За завтраком мы обсуждали наши планы на день и распределяли обязанности: кто купит новый флакон шампуня, а кто – батарейки для пульта дистанционного управления и что-нибудь к ужину. Мы под руку выходили из дома, шли к метро и садились в один вагон. Мне было бы удобнее ехать в другом конце поезда, чтобы на станции сразу же оказаться у нужного выхода, но наши жизни были так тесно переплетены, что расходиться по разным вагонам казалось нам абсурдом.

Мы торопились домой с работы, чтобы заполнить пробелы, которые успевали образоваться за день. Мы ставили чайник и включали духовку, смеялись над глупыми коллегами и плакали из-за ужасных совещаний. Мы были друг другу как сестры, жили бок о бок, все больше прикипая друг к другу, и все делили на двоих: пакет молока в холодильнике, кучу сваленных перед входной дверью туфель, книги, вперемежку расставленные по полкам, фотографии в рамках, расставленные по подоконникам. Наши жизни так тесно срослись, что любая трещинка, пусть даже самая крохотная, казалась невыносимой.

У нас было мало денег и мало свободного времени, и тем не менее раз в несколько недель мы совершали вылазку в какой-нибудь неизведанный уголок этого неизведанного мира, выбирались в бар или ресторан, открывая для себя город с новой стороны. Марни была фрилансером и постоянно искала, о чем бы написать. Она мечтала стать первооткрывательницей какого-нибудь ресторана, который впоследствии заработает мишленовскую звезду. Окончив университет, Марни пару месяцев проработала в маркетинговом отделе сети пабов, но вскоре решила заняться чем-то более творческим и перспективным. В общем, хотела выбрать дело по душе. И завела блог на тему еды: выкладывала в Интернет подборки информации, отзывы о ресторанах, а постепенно стала публиковать и собственные рецепты.

Так все это зарождалось, и, пожалуй, то были самые восхитительные времена. Очень скоро аудитория ее блога начала стремительно разрастаться. По просьбам подписчиков Марни стала снимать собственные кулинарные видеоролики. Одна из компаний, производящих профессиональное кухонное оборудование, предложила ей сотрудничество, и нашу квартиру заполнили чугунные кастрюли и сковородки, кокотницы пастельных оттенков и прочая кухонная утварь в таких количествах, которые нам двоим было не освоить за всю жизнь. Потом Марни пригласили вести регулярную колонку в газете. Но поначалу были только она и я: мы перелопачивали бесплатные журналы в поисках новых заведений, куда не мешало бы заглянуть.

Мне кажется, что, глядя на то, как двое вместе ужинают в ресторане, можно многое сказать об их отношениях. Мы с Марни любили наблюдать: вот рука об руку входят парочки, а вот гуляет теплая мужская компания, и господа в сшитых на заказ костюмах мало-помалу расслабляются, шумят все громче и в конце концов разбредаются кто куда; за тем столиком крутят роман, а тут отмечают юбилей, а у этих – первое свидание. Нам нравилось читать зал, словно книгу, строить догадки о прошлом и предрекать будущее других посетителей, рассказывая истории их жизни, которые, надеялись мы, могут обернуться правдой.

Если бы ты сидела за соседним столиком и играла в ту же самую игру, в свою очередь наблюдая за нами, то увидела бы двух молодых женщин: одна – высокая, с огненными кудрями, другая – темненькая и съездившаяся, и, однако же, невзирая на несходство, обе прекрасно ладят друг с другом. Думаю, для тебя не составило бы труда догадаться, что нас связывает крепкая дружба, которой не один год и которая, будь она деревом, имела бы раскидистые ветви и мощные корни. Ты увидела бы, как Марни – не задумываясь, не спрашивая разрешения, поскольку это было совершенно излишне, – протягивает руку, чтобы утащить с моей тарелки помидорку. А я в свой черед отправляю в рот кусочек корнишона или ломтик свежего огурца с ее тарелки.

И тем не менее за три года, прошедшие с тех пор, как Марни съехалась с Чарльзом, мы с ней ни разу не ужинали вдвоем. Из наших отношений исчезла бывшая непринужденность. Наши миры больше не сплетены друг с другом. Теперь в истории ее жизни мне отведена роль гостя. Наша дружба перестала быть отдельным самостоятельным явлением, выродившись в бородавку, вырост, существующий внутри другой любви.

Я не считала – и не считаю, – что любовь Чарльза и Марни превосходила по силе нашу. И тем не менее я отчетливо понимала, что их любовь – любовь романтическая – неминуемо поглотит нашу, потому что такова жизнь. И все же наша любовь, зародившаяся и расцветшая во время прогулок под руку по школьным коридорам, автобусных экскурсий и совместных ночевков, казалось, неизмеримо больше заслуживала того, чтобы продлиться всю жизнь.

Каждую пятницу, выходя из их квартиры около одиннадцати вечера, я вынуждена была раз за разом прощаться с любовью, которая сформировала, определила, выкристаллизовала меня. И каждый раз мучительно ощущать раздвоенность, любя по-прежнему и страдая от разлуки.

Но еще больнее было сознавать – хотя эта мысль до сих пор не до конца укладывается у меня в голове, – что вся ситуация была целиком и полностью делом моих рук. Я, и только я была ответственна за ту самую первую оборванную ниточку, ту первую переломанную косточку, то первое забытое воспоминание.

Глава третья

Три месяца спустя после нашей встречи с Джонатаном я переехала к нему в двухэтажную квартиру в Ислингтоне. Мы были очень молоды, да, и без памяти, безоглядно, по уши влюблены. Это оказалось неожиданно легко – так очень редко бывает, когда в твою жизнь входит что-то новое. И на удивление весело и захватывающе – уж этим-то меня не баловала моя незатейливая жизнь. Мне нравилось жить с Марни – я была счастлива, – тем не менее в конце концов захотелось чего-то иного, чего-то большего.

Мое детство прошло в семье, которая со стороны могла показаться любящей. Однако это была одна лишь видимость. Мои родители прожили в браке двадцать пять лет, прежде чем развестись, но им следовало бы расстаться гораздо раньше, потому что их беспрерывные скандалы и выяснения отношений сделали жизнь в нашем доме невыносимой.

Если коротко, мой отец был жуткий бабник. Его роман с секретаршей продолжался двадцать лет, ничуть не мешая многочисленным мелким интрижкам. Отец вспыхивал страстью то к одной, то к другой женщине и столь же стремительно охладевал к ним на протяжении всего законного брака. Моя сестра была на четыре года моложе меня, и я делала все, что в моих силах, чтобы защитить ее от шумных семейных драм и бесконечных стрессов. Я уводила ее на улицу, включала музыку погромче, отвлекала бедняжку вечными обещаниями показать что-то интересное подальше от дома. Но это другая история, и о ней как-нибудь потом. Сейчас мне хочется, чтобы ты поняла: я, пожалуй, сильнее, чем большинство людей, была склонна к идеалам романтической любви. Я обожала Марни. Но моя новая любовь завладела мной целиком и полностью.

Мы с Джонатаном познакомились, когда нам было по двадцать два года. Оксфорд-стрит, шесть часов вечера. Оба спешили домой, а жили мы тогда в противоположных концах города. Вход в метро закрыли, как это часто бывает в час пик, поскольку на платформах столпилось слишком много людей. Хмурое небо предвещало скорый дождь, над головой проносились косматые серые тучи.

Не подозревая о существовании друг друга, мы с Джонатаном толкались в очереди, выстроившейся ко входу в вестибюль станции. Толпа казалась самостоятельным существом, наделенным собственным сознанием, – так сильно каждый горел желанием поскорее очутиться подальше отсюда. Я чувствовала, как чужие тела вторгаются в мое личное пространство, чужие локти задевают мои локти, чужие бедра бесцеремонно прижимаются к моим бедрам, а мой затылок невольно упирается в чью-то грудь. На пяточке перед входом набилось столько народу, что я не видела ничего, кроме спины мужчины, стоявшего передо мной.

В конце концов где-то сверху и спереди послышался лязг металла, и железные створки начали медленно открываться изнутри. Толпа заколыхалась и приготовилась к штурму. Мужчина, стоявший передо мной, – тот самый, который закрывал мне обзор, – подался вперед, а потом, когда я уже шагнула на его место, резко отшатнулся назад. И врезался в меня, а я – в того, кто стоял за мной. Толпа, обтекая нас, хлынула в метро, в то время как мы в ее центре образовали некий всплеск, волну, покотившуюся в обратном направлении.

– Какого черта? – выдохнула я, с трудом удержав равновесие.

– Вы... – начал было он, оборачиваясь ко мне.

И я поняла. Как в тот раз, с Марни. Я немедленно все поняла! Это звучит так глупо, так наивно, знаю-знаю. Я слышала этот аргумент сотни раз – когда переехала к нему, когда согласилась выйти за него замуж, даже накануне нашей свадьбы. И все, что я могла на это ответить, равно как и все, что я могу сказать тебе сейчас: надеюсь, когда-нибудь ты поймешь...

Наверное, с Марни все было не совсем так, как с Джонатаном. Мы с ней тогда обе кого-то искали. Впереди маячили долгие семь лет школы, и ни одной из нас не улыбалось прове-

сти их в одиночестве. Радость, которую мы испытали, встретив друг друга, была приправлена ошеломляющим ощущением облегчения.

С Джонатаном же... Даже не знаю, как объяснить. Я никогда не считала, что принадлежу к типу женщин, способных внезапно влюбиться. И в моей душе не было ни потребности в нежных чувствах, ни пустоты, ничего такого, что требовало бы заполнения. Я просто увидела его и сразу инстинктивно поняла, что должна познакомиться с ним поближе. Я могла бы рассказать тебе, что именно почувствовала, при помощи слов, которые за многие десятилетия превратились в синонимы безумной любви, но в моем случае все эти заезженные клише не имеют никакого отношения к правде. Земля не уходила у меня из-под ног, наоборот, я почувствовала, что стою на ногах так прочно и устойчиво, как никогда прежде. Не было ни дрожащих рук, ни замирающего сердца, ни зардевшихся щек. И бабочек в животе тоже не было. Просто, глядя на него, я осознала: вот он, дом, в котором я всегда так нуждалась и которого никогда, по сути, не имела.

– Вы... – продолжила я, машинально поправляя лацканы. Глаза у него были оливково-зеленые, и он в замешательстве смотрел на меня. Меня вдруг охватило совершенно неуместное желание протянуть руку и погладить его по щеке. – Вы просто...

– Мой шарф, – произнес он, указывая на асфальт. – Вы наступили на мой шарф.

– Ничего я не... – Я посмотрела себе под ноги. И в самом деле – я стояла на бахrome темно-синего шарфа. – Ой, – смутилась я, поспешно убирая ногу. – Прошу прощения.

– Ну что встали столбом? – послышался сзади голос, грубый и громкий. Голос толпы.

– Да, конечно, – согласился он, оборачиваясь. – Извините.

И как-то вдруг мы разговорились. Сейчас уже не помню, кто и что сказал, но, когда настал момент расходиться в разные стороны, ему – на платформу к поездам северного направления, а мне – к поездам южного, мы успели поспорить по поводу его шарфа и по поводу одного паба, которого, как утверждал мой новый знакомый, не существовало.

– Вы беретесь рассуждать о том, чего не знаете, – заявила я. – Я сто раз там бывала. Могу хоть сейчас вас туда отвести.

– Вот и отлично, – отозвался он.

Вокруг все спешили по своим делам, людские потоки огибали нас, рассредоточиваясь по платформам.

– Что? – удивилась я.

– Пошли, – сказал он.

Паб действительно существовал, как я и говорила; это было традиционное, почти в средневековом стиле, заведение с панелями темного дерева, низкими потолками и пылающим камином. Назывался паб – да и сейчас называется, хотя я сто лет там не была, – «Виндзорский замок». Располагается он в десяти минутах ходьбы от Оксфорд-сёркус, неприметно притулившись на одной из узеньких, вымощенных брусчаткой улочек, которые служат таким приветом из прошлого, от того старого города, что стоял здесь задолго до появления гигантских флагманских магазинов и сетевых кофеен, повторяющихся через каждые сто метров.

Мы просидели там несколько часов, пока хозяйка не позвонила в колокольчик, объявляя, что они закрываются. Тогда мы выкатились оттуда и вернулись на станцию, уже практически пустую, где расцеловались на прощание – что было совершенно не в моем характере – и пообещали друг другу непременно встретиться в ближайшее время. Когда он оторвал руки от моей талии, я почувствовала, что внутри меня что-то всколыхнулось. Провожая его взглядом – темно-зеленое пальто, разлетающееся при ходьбе, широкие плечи, – я отчетливо понимала, что уже люблю его.

Эта любовь – тот фундамент, на котором я была готова и могла бы построить жизнь. Где-то в параллельном мире мы с Джонатаном до сих пор вместе, до сих пор без ума друг от друга.

Мы обещали друг другу неугасимую любовь, вечный праздник радости и смеха, нерасторжимый союз сердец. Иногда невозможно поверить, что мы с ним не смогли исполнить эти обеты, ведь когда-то они казались само собой разумеющимися.

Он попросил меня выйти за него замуж год спустя – день в день – в том самом пабе. Неуклюже опустившись на одно колено, Джонатан объявил, что заготовил речь и даже выучил ее наизусть, но не помнит ни единого слова из того, что собирался сказать. И добавил, что будет любить меня всю жизнь, – может, для начала этого будет достаточно?

Я сочла, что мне этого более чем достаточно.

Мы поженились той же осенью в регистрационном бюро. Гостей на нашей свадьбе не было, а отпраздновали мы ее с самым дорогим шампанским, какое только нашлось на полках в ближайшем магазинчике. После этого мы отправились на свадебный завтрак в «Виндзорский замок». В конце концов, где же еще было отмечать все важнейшие вехи наших отношений? Я подошла к стойке и сделала заказ, во всеуслышание объявив, что *мой муж* желает на завтрак бургер. Барменша закатила глаза, но улыбнулась, снисходительно посмеиваясь над юной новобрачной в светло-голубом платье и ее свежее испеченным супругом с зеленым галстуком. Заказанные нами на десерт брауни с ванильным мороженым нам подали на тарелках, и по краю каждой тянулась выведенная шоколадной глазурью надпись: «Поздравляем».

Затем, катя за собой чемоданы, мы отправились на вокзал Ватерлоо и там сели на поезд, который шел на юг и должен был отвезти нас в приморский городок под названием Бир. Приехали мы туда уже под вечер и заселились в небольшую гостиницу, с гордостью, как это делают только новобрачные, объявив, что номер забронирован на имя мистера и миссис Блэк.

– На имя Джейн? – переспросила пожилая женщина за стойкой.

Было уже без малого десять вечера, и она явно была исполнена решимости довести до нашего сведения, что мы доставили ей неудобства.

– Да, – подтвердила я. – На имя Джейн Блэк.

Что бы она ни говорила и ни делала, это никоим образом не могло омрачить моего счастья.

– По лестнице на второй этаж, до конца по коридору, направо. – Она протянула золотистый ключик, к которому цепочкой из такого же металла была прикреплена деревянная колобашка с выгравированным словом «четыре». – Что-нибудь еще?

Мы покачали головой.

Джонатан втащил наши чемоданы вверх по лестнице, провез по коридору и в наш номер. Мы увидели полы темного дерева, покрывало на кровати, расшитое крохотными цветочками пастельных оттенков. Шторы цвета ржавчины были задернуты, и в углу мягким светом горел небольшой светильник в розовом абажуре. На старомодном бюро из красного дерева в ведерке со льдом нас ждала миниатюрная бутылочка шампанского. Джонатан откупорил ее и разлил в два бокала, и мы во второй раз за день выпили за нашу свадьбу.

Когда наутро мы проснулись, восходящее солнце расцвечивало постель мазками желтого и оранжевого. Я помню теплоту груди Джонатана, прижатой к моей спине, мягкость его ладоней, ласкающих мой живот, прикосновение его губ к моим плечам. Я помню это ощущение всепоглощающей близости. Мне было так надежно в коконе его объятий! А потом он развернул меня к себе лицом, и его поцелуи стали более настойчивыми и требовательными.

И лишь позднее, когда в дверь постучали и горничная с извиняющимся выражением лица просунула в щель стопку полотенец, мы выбрались из постели и принялись строить планы на день. Я раздвинула шторы и выглянула в окно, за которым было море. Оно раскинулось до самого горизонта, окаймленное по сторонам белоснежными утесами с шапкой густой зеленой травы. Несмотря на то что стоял октябрь, небо радовало глаз безоблачной синью, суля погожий день.

Мы натянули туристские ботинки и толстые шерстяные свитеры.

За отелем начинался галечный пляж. Я зашагала по тропинке, ведущей к нему, к морю, к волнам, которые лизали гальку и разбивались о берег.

– Давай туда, – позвал меня Джонатан, указывая в противоположную сторону, в направлении скал. – Думаю, лучше пойти этой дорогой.

И мы двинулись по заасфальтированной дороге, ведущей в гору, мимо припаркованных машин и задернутых занавесками окон, пока не очутились на поросшем травой пяточке, где были установлены таблички с расписанием работы и небольшой паркомат.

– Идем дальше, – сказал Джонатан и, пробравшись между немногочисленными припаркованными фургонами, зашагал по траве.

Дальше мы шли в молчании, иногда держась за руки, а иногда я в очередной раз на что-нибудь отвлекалась, отставала и была вынуждена нагонять его.

Джонатан всегда был такой сосредоточенный, в особенности во время наших вылазок на природу; со своей неизменной камерой, он всегда стремился увидеть, что там дальше, за поворотом, что ожидает его впереди. Я же просто отдыхала душой, наслаждаясь возможностью побыть вдали от шумного города. Здесь безмолвие нарушали лишь шум прибоя о скалы внизу да крики чаек в вышине.

Примерно через час мы вышли к приморской деревушке, на вид поменьше, чем Бир, но с парковкой для машин, небольшой будочкой, в которой размещался общественный туалет, и зданием кафе с соломенной крышей.

– Интересно, оно открыто? – сказал Джонатан, и, поскольку он был со мной, кафе в самом деле оказалось открыто.

Он взял себе чашку кофе, а мне стакан холодного апельсинового сока. Мы устроились на свежем воздухе на скамейках для пикника и стали смотреть на море в ожидании заказанных сэндвичей с беконом. Рыбаки в поисках защиты от ветра сбились в кучку на берегу. Я представляла, как они обсуждают улов, цены на треску, дальнейшие планы на день.

Позавтракав, мы двинулись по пляжу. Волны набегали на берег и откатывались обратно, лизали трещинки в каждом камешке и подошвы наших ботинок. Джонатан заметил в зарослях у подножия утеса небольшую прогалину и загорелся идеей исследовать ее поближе. Продравшись сквозь густой терновник, мы двинулись прочь от побережья, вглубь леса, по узенькой глинистой тропке, петлявшей сквозь колючий кустарник и крапиву. Мы взбирались все выше и выше, и тем не менее утесы по-прежнему маячили у нас над головой.

Минут через десять-пятнадцать мы вышли к развилке; левая тропа переходила в ступени, выбитые в склоне, а правая представляла собой узенькую стежку, тянувшуюся по самому краю скалистого карниза.

– Давай попробуем пройти здесь, – сказал Джонатан, показывая направо.

– Думаю, лучше не стоит, – покачала головой я.

Он вырос за городом, среди грязи, сена и высокой травы, мне же в этом мире было неуютно. Меня завораживали эти виды, эта звенящая тишина и бескрайний простор, но я чувствовала себя здесь незванным гостем, без приглашения вторгшимся на чужую территорию.

– Мне кажется, тут безопаснее. – Я махнула в сторону левой тропки.

– Брось, – с улыбкой произнес он. – Все будет в полном порядке.

Я заколебалась. Но его вера в меня, его убежденность уже заронили в мою душу зернышко искушения. Я обнаружила, что мне очень трудно противиться его желаниям. Хочешь правду? Я сделала бы практически все, о чем бы он меня ни попросил.

Я заставила себя разжать кулаки, разогнула пальцы и следом за ним сделала один крохотный шаг вправо, на узкий уступ в скале.

Джонатан отступил назад – с легкостью и грацией канатоходца, балансирующего на туго натянутой проволоке.

– Ну, вот видишь, – улыбнулся он. – У тебя все отлично получается.

Карниз был узехоньким, не больше фута в ширину. Стоять на нем можно было, только поставив одну ногу позади другой.

– Еще один шагок, – сказал он.

В этот момент я словно слышала наше будущее: голос Джонатана, разговаривающего с нашим ребенком, подбадривающим его. Картина еще не происшедшего события запечатлелась в моей памяти и придала мне храбрости.

– Чего ты ждешь? Продолжай идти, – настаивал он. – Я тебя страхую.

Я подняла ногу, которая была позади, и медленно понесла ее вперед над морем, грохотавшим далеко внизу. Наконец моя ступня нашла опору на карнизе, и я с облегчением выдохнула.

– Что теперь? – спросила я. Каким-то образом я умудрилась развернуться и теперь стояла лицом к утесу, прижимаясь к нему грудью, так что пятки у меня висели в воздухе над бездной. – Как ты вообще это делаешь?

– Ты можешь идти нормально, – сказал он. – Или просто потихоньку переставляй ноги. Попробуй не слишком об этом задумываться, вот и все.

Я вскинула глаза на него, стоявшего всего в нескольких шагах впереди. Он широко улыбнулся мне, и в уголках его глаз собрались лучики, а на щеках заиграли ямочки. Его рука была ободряюще протянута в мою сторону, и обручальное кольцо поблескивало на солнце. Второй рукой он держался за выступ в скале над головой, и я видела полоску голой кожи на бедре, там, где футболка выбилась из брюк.

Я потянулась к нему, но тут моя нога соскользнула, я потеряла равновесие и стала заваливаться вбок. Я помню, как начала задыхаться, пытаюсь ухватиться за голую скалу непослушными пальцами, помню жгучую волну паники, захлестнувшую меня. Потом я ощутила, как рука Джонатана впечаталась в мою спину и с такой силой прижала меня к скале, что острый камень расцарапал мне подбородок.

– Все в порядке, – послышался спокойный голос моего мужа. – Ничего страшного не произошло.

– Нет, – выдавила я. – Это небезопасно. Не надо было вообще сюда лезть.

Расцарапанное лицо саднило, колени ныли от удара.

– Все в порядке, – повторил Джонатан. – Честное слово, ничего страшного не случилось.

Я упрямо замотала головой.

– Ладно, – сдался он. – Ладно. Только не расстраивайся. Давай потихоньку обратно.

Я принялась осторожно пятиться к поросшей травой тропке.

– Ну вот, – сказал Джонатан. – Все нормально?

Я кивнула и поднесла руку к подбородку – думала, что рассадил его до крови, но подушечки пальцев остались чистыми.

– Хорошо, – усмехнулся он. – Тогда встретимся наверху.

Я снова кивнула, а он устремился вверх.

Знаю-знаю, я говорила, что последовала бы за Джонатаном куда угодно, и это была правда. Но в его бесстрашии было нечто такое, что шло совершенно вразрез с моей врожденной боязливостью. И как бы я ни хотела и ни старалась, иногда страх одерживал победу. Я двинулась более безопасным маршрутом, и несколько минут спустя наши дороги вновь пересеклись на вершине утеса.

Могла ли я знать, что впереди у нас мало времени? Если бы так, я нашла бы в себе мужество провести эти несколько минут рядом с Джонатаном.

Вообще, оглядываясь назад, должна сказать, что вся история наших отношений, нашей любви и совместной жизни прямо-таки отравлена горькой иронией, пронизана ею насквозь, начиная с момента нашего знакомства и заканчивая той минутой, когда эти отношения обо-

рвались. Мы с Джонатаном впервые встретились в маленьком уголке огромного города, на этом месте у нас с ним все началось, и там же, по роковому стечению обстоятельств, он погиб.

О том злосчастном дне я могу рассказать тебе куда больше, чем о нашей встрече. Я на протяжении многих недель безостановочно прокручивала в голове мрачное слайд-шоу – цепочку событий, которая привела к гибели Джонатана. И до сих пор иногда этим грешу.

Джонатан бежал первый в своей жизни Лондонский марафон. Прогноз обещал ветер и дождь с мокрым снегом. Джонатан пребывал в приподнятом настроении. Он тренировался с осени и привык бегать под дождем, так что непогода его не страшила.

В то утро он был не в состоянии усидеть на месте, ерзал, болтал о каких-то пустяках, и его возбуждение передалось мне. В сущности, мы были такими обыкновенными! Каждое будничное утро начиналось звоном будильников, затем – кофе, завтрак, душ, поиски ключей от квартиры, отчаянные попытки не опоздать на работу... и дальше все катилось в неизменном успокаивающем ритме повседневности.

Мне хотелось разделить с Джонатаном его победу, поэтому я отправилась напрямик на Мэлл¹. Там за металлическим ограждением я простояла в ожидании несколько часов, но это время пролетело практически незаметно. Атмосфера была накалена до предела; толпа болельщиков вокруг меня буквально истекала возбуждением, нервозностью и воодушевлением. Первыми мимо нас пронеслись элитные бегуны – со стороны казалось, что они даже не запыхались, – следом за ними еще какие-то мужчины и женщины, потом забавная парочка с мокрыми от пота лицами – оба бежали в костюмах динозавров.

Джонатан поставил себе целью преодолеть дистанцию менее чем за три часа, и я нисколько не сомневалась в том, что у него все получится. Он пробежал мимо меня через два часа пятьдесят одну минуту, а еще через три минуты уже пересекал финишную черту.

Я никогда не принадлежала к числу тех, кто рожден для успеха. Я всегда упорно трудилась, но никогда и ни в чем не преуспевала. Я всегда принимала участие, но никогда не побеждала. А Джонатан – да, Джонатан побеждал. Он превосходил даже самые дерзкие свои цели.

Поэтому я ничуть не удивилась, когда его провозгласили миллионным участником Лондонского марафона с 1981 года, то есть со времени учреждения, и репортеры новостного канала Би-би-си взяли у него интервью. На спортивных мероприятиях Джонатан обычно находился по другую сторону камеры, снимая репортажи для выпусков новостей и спортивных телеканалов, но в тот день он так мило держался и так очаровательно скромничал, отвечая на вопросы интервьюера! Помню, у меня даже промелькнула мысль: не стоит ли ему задуматься о другой карьере, не достигнет ли он большего успеха перед камерой, нежели за ней?

После интервью мы отправились в «Виндзорский замок» пропустить по стаканчику, всего по одному, чтобы отпраздновать успех Джонатана.

Но добраться туда нам было не суждено.

Когда, выйдя из метро на Оксфорд-сёркус, мы пошли к той самой вымощенной булыжником узенькой улочке, пьяный таксист вылетел на пешеходный переход, сбив моего мужа.

Я помню, как он лежал навзничь на мостовой. Его колено было вывернуто под неестественным углом. Лицо с закрытыми глазами казалось умиротворенным, подбородок касался плеча. На нем были те же самые черные шорты и обтягивающая желтая футболка. Приоткрытый рюкзак валялся в метре или двух, и из него выглядывала тонкая термонакидка, которую ему набросили на плечи на финише. Выпавшая бутылка с водой медленно-медленно, точно расплавленный битум, катилась к краю тротуара.

¹ Мэлл – улица, соединяющая Букингемский дворец с Трафальгарской площадью. Традиционно служит местом финиша ежегодного Лондонского марафона.

Вокруг нас мгновенно образовалась толпа из велосипедистов и пешеходов, но водитель, парализованный ужасом, так и остался неподвижно сидеть в машине.

Джонатан тоже был до странности неподвижен, лежа в застывшей позе, слишком безжизненной и в то же время каким-то непостижимым образом слишком безмятежной, чтобы его можно было принять за спящего. На асфальт рядом с его щекой уже успела натечь лужица крови.

Я помню, как приехала «скорая» и затормозила рядом с нами, заливаясь пронзительным воем. Сирену быстро вырубил; мне вспоминается внезапная оглушительная тишина, пришедшая на смену режущему слух вою, но мигалка продолжала вспыхивать, красным и голубым, красным и голубым. Из фургона выскочили парамедики, мужчина и женщина, оба в ядовито-зеленой форме, и поспешили к нам, что-то крича через капот. Все происходило точно в замедленной киносъемке: она надела белые латексные перчатки, сначала правую, затем левую, по очереди оттянув каждый палец. Он нес на плече саквояж. Женщина-полицейский в форменном котелке принялась жестикулировать, оттесняя толпу зевак, и картина эта до сих пор стоит у меня перед глазами: будьте так добры, отойдите в сторону, пожалуйста, проходите дальше, тут не на что смотреть.

Парамедики засуетились вокруг нас, проверяя у Джонатана пульс, ощупывая его, срезая с него футболку, светя слепящим фонариком ему в глаза.

– Не могли бы вы немножко... – произнесла женщина, и я, поджав под себя ноги, опустилась прямо на асфальт чуть в стороне, чтобы не мешать врачам.

Их руки мелькали передо мной, свет фар «скорой», попадая на светоотражающие полосы на форменных куртках, резал мне глаза. Я сощурилась и поняла, что они полны слез.

Джонатана уложили на носилки, странного вида пластиковую конструкцию, и погрузили в «скорую». Она поползла по улицам Лондона на юг, в больницу Святого Георга, в сопровождении полицейской машины. Когда я выбралась из задка «скорой», все та же самая женщина-полицейский в котелке взяла меня под локоть, привела в приемный покой и сидела рядом безотлучно. Она твердила мне, чтобы я продолжала дышать: вдох через рот на шесть счетов, задержать дыхание на следующие шесть, затем еще на шесть – выдох, а потом она ушла, и я осталась ждать в полном одиночестве. На улице было уже темно, когда врач позвал меня в маленькую комнатку, чтобы сообщить то, что я и без него уже знала: он подтвердил, что Джонатан умер.

Он предложил кому-нибудь позвонить, чтобы за мной приехали, но я даже не помню, ответила ли ему хоть что-то. Я вышла из приемного покоя, поймала такси и назвала адрес квартиры в Воксхолле. Неподалеку от дома я увидела за столиком в пабе на берегу Темзы веселую троицу в шортах и футболках, с золотыми марафонскими медалями на шее. Я почувствовала, как в груди у меня лопнул какой-то пузырь, и представила среди них Джонатана – в шортах и футболке, с точно такой же медалью, празднующего победу. К горлу подступила тошнота, но я усилием воли подавила ее, потому что это было не вовремя и все происходящее не имело отношения к реальности, тем не менее я никак не могла вспомнить, что надо делать дальше и как теперь быть...

Я опустилась на землю напротив входа в дом и вообразила, как Джонатан поднимается с мостовой, потирая ушибленный локоть, и проводит ладонями по груди, отряхивая приставшие к футболке мелкие камешки. Я представила его, оглушенного и слегка рассерженного, с небольшой ссадиной под правой скулой, которой он ударился об асфальт, но в остальном целого и невредимого: способного ходить, говорить, двигаться. Живого. Я закрыла глаза и увидела его волосы, успевшие слишком сильно отрасти, его руки, скрещенные на груди, его подбородок, слегка вздернутый кверху, россыпь веснушек на переносице после многочасовых пробежек в солнечную погоду.

Меня едва не вывернуло, потому что всего этого уже не существовало – ни небольшой ссадины под правой скулой, ни слишком сильно отросших волос, ни веснушек, ни будущих многочасовых пробежек, – и я знала, что никогда больше его не увижу и никто не увидит, и эта мысль была слишком ошеломляющей, слишком невозможной, чтобы быть правдой.

Глава четвертая

Какое-то время я побеждала. В самом прямом смысле слова. Если рассматривать жизнь как соревнование, которое можно проиграть, – а я совершенно уверена, что это так, – значит можно и победить.

Пока Марни ходила на свидания с бесконечной чередой неподходящих парней, которые слишком много пили, укуривались по выходным до полной отключки на детских площадках и нюхали кокаин с бачка в общественных туалетах, у меня был роман с потрясающим мужчиной. Пока ее университетские подруги проводили пятничные вечера в сомнительных клубах с громкой музыкой, неоновыми огнями и липкими полами, я готовилась к медовому месяцу. Пока они все больше и больше отчаивались, плачась друг другу на разрыв очередных бесперспективных отношений, заливая горе джином и заедая какой-нибудь калорийной дрянью навынос, я вышла замуж. У меня был муж. И более того, я любила его, любила горячо и искренне. Они ссорились с соседками по тесным съемным квартиркам из-за того, кто нагреет больше электричества и пролил молоко. Они сражались с комьями лобковых волос, забивавших слив ванны, с вечно текущими душевыми кабинками, горами невымытой посуды, громоздящимися прямо на посудомоечной машине. А я жила в уютной квартире с высокими потолками и большими окнами. Я разглядывала образцы красок, прикидывая, какой оттенок будет лучше всего смотреться на наших стенах, и планировала, где будут висеть постеры в рамах, ждущие своего часа в стопке у камина.

Марни подала заявление об уходе по собственному желанию. Другие подпадали под сокращение штатов, костерили начальство и ненавидели нудные дела, входившие в рабочие обязанности: приносить кофе, вызывать такси, заказывать пачки бумаги для принтера. Я же получила повышение. Начинала я с административной должности в интернет-магазине, торговавшем всем подряд: книгами, игрушками, электроникой, – и мне предложили позицию в новом отделе мебели. Должность мне нравилась, да и само направление, как мне казалось, имело хорошие перспективы в развивающейся компании.

Дела у меня шли лучше, чем у них всех. Я была счастливее, чем они.

Пожалуй, меня радовало, что я первой нашла свою любовь. Мне не слишком приятно в этом признаваться, потому что это звучит как-то глупо и по-детски, но это правда, а я обещала тебе говорить правду.

Марни обзавелась бойфрендом первой из нас двоих. Нам с ней тогда было по тринадцать, а Ричард был годом старше. Его родители находились в разводе, и он жил с матерью. У него были рыжие, почти оранжевые волосы и густо усыпанные веснушками щеки. На первом свидании они с Марни пошли в кино, их пальцы соприкоснулись на ведерке с попкорном, и остаток фильма они просидели, держась за руки. На втором свидании он пригласил ее к себе домой, и его мама пожарила им куриные нагетсы. Однако на следующий же день Ричард порвал с Марни. Он решил, что его больше привлекает девочка из параллельного класса – кажется, ее звали Джессика, – у нее были волосы того же померанцевого оттенка, и она, как следствие, подходила ему куда больше.

Я пришла к выводу, что мне тоже необходим бойфренд, поэтому, пока Марни оправлялась от удара, организовала себе свидание с мальчиком по имени Тим. В кино мы с ним не были, зато отправились на прогулку и он купил мне мороженое. Нечего и говорить, я была совершенно уверена, что нашла свою вторую половинку! Весьма на руку мне сыграло и то обстоятельство, что он был значительно симпатичнее мальчиков, с которыми встречались одноклассницы. Моя популярность немедленно взлетела до небес, и внезапно я оказалась главным экспертом по сердечным делам в нашем классе. К несчастью, на репутации Тима дружба

со мной сказалась далеко не столь выигрышным образом, так что полторы недели спустя он дал задний ход.

Мы с Марни на пару погоревали, погоревали да и решили, что никогда больше в жизни ни в кого не влюбимся, а вместо этого лучше станем лесбиянками.

Что само по себе любопытно, ты не находишь? Даже тогда мы уже прекрасно понимали: взрослому человеку одной только дружбы мало, категорически недостаточно. Мы знали – с самого раннего подросткового возраста, – что романтическая любовь всегда будет стоять на первом месте.

Не могу сказать тебе, когда именно все изменилось. Много лет – практически целое десятилетие – мы находились в эпицентре жизни друг друга. Мы рассказывали друг другу обо всем без утайки: о мальчиках, а потом и о мужчинах, о свиданиях, а потом и о сексе, об отношениях, а потом и о любви. Но вдруг в какой-то момент между нами произошел небольшой раскол и наша личная жизнь превратилась в нечто такое, что существовало за рамками нашей дружбы. Это была тема, которую мы в наших разговорах обходили молчанием, делиась лишь самыми яркими моментами или новостями, вместо того чтобы, как прежде, проживать все вдвоем.

Наверное, такое положение вещей тоже было моих рук делом. Думаешь, я говорила Марни о своих чувствах, когда влюбилась в Джонатана? О том, как все было в ту нашу первую с ним ночь? Нет, ни словом не обмолвилась.

Вместо этого я бросила ее. Я заехала к Джонатану в гости после работы, и он приготовил мне ужин, а потом обратил мое внимание на обилие свободного места в его квартире, на пустые полки и полупустые ящики и спросил, не хочу ли я их заполнить. Перспектива жизни в этом доме – жизни с Джонатаном – попросту оказалась слишком соблазнительной.

– Я съезжаю, – объявила я Марни с порога в тот же вечер, едва вернувшись домой.

– В самом деле? – рассеянно спросила та. Она сидела на нашем бело-голубом диванчике, водрузив ноги на кофейный столик, и барабанила по клавишам своего новенького ноутбука. Накануне вечером она сняла свой первый видеоролик: ее фирменный рецепт пасты карбонара, который всегда был у меня любимым. – Нет, это просто невозможно, – произнесла она. – Как мне... – Она схватила со стола телефон и принялась раздраженно тыкать большими пальцами в экран.

– Да, к Джонатану, – сказала я.

– И когда же? – поинтересовалась она.

– Завтра, – ответила я.

Марни вскинула голову:

– Что? – Ее брови сошлись на переносице. – Завтра? Но вы же с ним только что познакомились!

– Мы вместе уже три месяца, – возразила я.

– Но это же всего ничего!

– Для меня это вполне себе срок, – пожала плечами я.

– Ясно, – произнесла Марни тихо. – Ты точно все решила? – Она закрыла свой ноутбук. – Завтра – и точка?

Я кивнула.

Сейчас, оглядываясь назад, было бы очень просто осудить себя за чрезмерную поспешность и излишнее рвение, но правда заключается в том, что я и теперь поступила бы точно так же.

Марни помогла мне собрать сумки и подарила комплект острых ножей, кастрюлю размером с котел и красный набор посуды.

– Тебе придется освоить плиту, – сказала она. – Нельзя же питаться одной консервированной фасолью и тостами.

– Я буду ходить питаться к тебе, – пошутила я.

– Очень на это надеюсь, – вздохнула она. – Для кого же я стану готовить, если тебя не будет?

Тогда я подумала: Марни, наверное, не отнеслась к моему заявлению серьезно, в глубине души полагая, что подруга вернется через пару недель. Но сейчас я в этом совсем не уверена. Думаю, она понимала, что для меня это следующий жизненный этап, начало чего-то нового.

Я смотрела, как Марни заворачивает в старую газету набор красных керамических горшочков для запекания, которые – у меня не было ни малейшего сомнения – я никогда не буду использовать. Она со вздохом отставила их в сторону.

– Ты уверена, что не слишком торопишься? – спросила она. – Ты же знаешь, я считаю, что он отличный парень, и этот вопрос правда продиктован беспокойством за тебя, а не за себя, но... все-таки это очень быстро. Ты уверена, ты точно-точно уверена?

– Да, – ответила я, и это была правда.

– Я буду скучать, – сказала она.

– Знаю, – отозвалась я. – Я тоже.

Я подумала обо всех тех мелочах, по которым буду скучать: о ее разноцветных носках, сохнувших на батарее, лакомствах ее изготовления, заботливо убранных в холодильник до моего возвращения, улыбающихся рожицах, нарисованных на запотевшем зеркале в ванной, – и к горлу подступили слезы. Я проглотила их и улыбнулась, а Марни, взяв меня за руки, крепко их сжала.

Самые первые недели я крутилась как белка в колесе, пытаюсь разорваться между ними двумя, чтобы никого не обделить вниманием. Мне не хотелось, чтобы Марни думала, будто я стала любить ее меньше – нет, конечно нет, – но в то же время я мечтала доказать Джонатану, что принадлежу ему целиком и полностью. Когда всего через несколько недель Марни в слезах позвонила посреди ночи и сказала, что у нее умерла бабушка, я впопыхах оделась, выскочила на улицу, поймала такси и минут через двадцать уже была в нашей старой квартире. Думаю, после этого Марни поняла, что в случае необходимости я примчусь к ней по первому же зову, как прежде.

Со временем Марни с Джонатаном подружились. В детстве ее никто никогда не учил кататься на велосипеде, и он взялся устранить это упущение. Он отдал ей один из своих старых велосипедов, и ей очень нравилось, что велосипед был мужской. А она в знак признательности научила его готовить карбонару. Сказала, что пыталась научить меня, но это оказалось слишком неблагодарной затеей, а теперь у нее появилась возможность делиться кулинарными секретами с ним.

Мы втроем отлично ладили. У Джонатана было много хобби: велоспорт, походы, скалолазание. А у меня – только Марни. И когда он решал провести выходные на природе в хлопяющей на ветру палатке, с пауками в спальном мешке и с промокшими от дождя ногами, я прекрасно отдыхала в тепле и уюте нашей старой квартиры в обществе моей лучшей подруги. То были самые чудесные годы моей жизни. Я с радостью сознавала, что оказалась достойна любви двух самых прекрасных людей на свете и в моем сердце смогла уместиться ответная любовь к ним обоим.

Когда Джонатан погиб, я думала, что наши отношения с Марни вернутся в прежнюю колею. Но этого не произошло. Оттого ли, что его уже не было с нами? Не знаю. Но жизнь моя стала пустой.

За два с лишним года, проведенные с Джонатаном, я пропустила уйму всего. На моем небосклоне за все это время не промелькнуло ни облачка, он всегда сиял ослепительной синевой. Я находила радость в самых глупых вещах: в неторопливой прогулке ребятишек, лае собак в парке, лунном свете, пробивающемся ночью сквозь шторы. Я считала, что глаза у Джонатана зеленые, как оливки. Однако же с тех пор я ни разу не видела оливку, которая была бы столь же прекрасна. Право на смех нужно еще отвоевать. Любая улыбка исчезает. Зато боль вечна. Я

начисто лишилась способности видеть в мире хорошее и плохое и уравнивать одно другим. Теперь я будто разбалансированные весы.

А думалось, с Марни я вновь обрету себя. Казалось, что смогу стать прежней. Но пока я была занята другими вещами, жизнь ушла очень далеко вперед.

Глава пятая

Мы со Стэнли в молчании спустились в лифте на первый этаж. В молчании вышли из подъезда. В молчании добрались по усыпанной гравием дорожке до тротуара. Мы шагали рядом, но я чувствовала себя совершенно одинокой.

– Славно посидели, правда? – произнес Стэнли наконец. Он застегнул плащ на все пуговицы и поднял воротник до ушей. – Тебе было весело?

Я плотнее обмотала шарф вокруг шеи. Был сентябрь, а я привыкла считать, что в сентябре еще продолжается лето, хотя на самом деле это не так. Погода в сентябре всегда коварнее, всегда холоднее, несмотря на погожие вечера.

– Как тебе Чарльз? – поинтересовалась я вместо ответа на вопрос.

Этим вечером он потчевал нас историей их знакомства с Марни. Это случилось в одном из баров в центре города. Чарльз посылал одну бутылку шампанского за другой Марни и ее коллегам, пока наконец она не сдалась и не присоединилась к нему за его столиком. Он считал, что это была демонстрация силы его любви. Она считала, что это была демонстрация широты его натуры и серьезности намерений. Я считала, что он тем самым выставил себя в жалком виде.

– Отличный мужик, правда же? – отозвался Стэнли, с широкой улыбкой поворачиваясь ко мне. – Просто отличный.

Я на него не смотрела; мой взгляд был устремлен вперед, на дорогу. Я всегда надеялась, что в один прекрасный день задам кому-то этот вопрос и этот кто-то в ответ с улыбкой повернется ко мне и скажет: «Полный придурок, правда же?»

Потому что это была исчерпывающая характеристика того Чарльза, которого я знала. Он был просто невыносим.

«Вряд ли ты в самом деле так считаешь, Джейн? – говорил мне Чарльз всякий раз, стоило мне высказать вслух мнение, которое шло бы хоть сколько-нибудь вразрез с его собственным. – Мне кажется, в этом вопросе мы с тобой заодно, – продолжал он, – и в действительности ты хотела сказать, что...»

И пускался в рассуждения о кризисе на рынке жилья, нехватке персонала в больницах или экономической обоснованности введения налога на наследство, как будто был авторитетным специалистом в этом вопросе. А потом, когда мы уже переключались на другую тему, а предыдущая была практически забыта, он заявлял: «Очень рад, что мы с тобой пришли к согласию по этому вопросу, Джейн», несмотря на то что мое мнение ни на йоту не изменилось, а просто было заглушено его громкостью, краснобайством и непробиваемым апломбом.

Он имел обыкновение дважды многозначительно постукивать пальцем по кромке своего бокала, когда его требовалось наполнить вновь, но лишь в том случае, когда бутылка стояла на моем конце стола, – видимо, раскрывать ради меня рот ему казалось излишним. Иногда он брал меня за руку и разжимал мои пальцы со словами: «В твоём возрасте пора бы уже перестать грызть ногти, Джейн». А под конец вечера, когда глаза у всех за столом были красные, осоловевшие от возлияний и начинали сами собой слипаться от усталости, он принимался отпускать эти свои мерзкие шуточки, неизменно адресованные очередному моему спутнику, но при этом столь же неизменно нацеленные в мою сторону, вроде: «Пожалуй, сейчас самое время везти Джейн домой, тебе так не кажется?» Затем, подмигнув, он добавлял: «Если ты понимаешь, о чем я. Ты ведь понимаешь, о чем я?» И мы все, разумеется, понимали, поэтому улыбались и похихатывали. Однако внутри у меня каждый раз что-то обрывалось, потому что за три года, которые прошли после гибели Джонатана, я ни разу ни с кем не спала и при одной мысли о прикосновении другого мужчины все во мне восставало.

Так что, как видите, та версия Чарльза, которая говорила со всеми остальными, покоряла их своим обаянием, смеялась над их шутками, была просто маскировкой, карнавальным костюмом, надетым для того, чтобы скрыть правду. И ему удавалось ввести в заблуждение всех: в особенности, конечно, мужчин, но и большую часть женщин тоже; и те и другие считали его обаятельным, беспечным и харизматичным.

– Ну что? – произнес Стэнли, когда мы дошли до автобусной остановки.

Я отступила от него и сделала вид, что изучаю расписание на бетонном столбе.

– Ну что? – повторил он. – Наши планы?

Я демонстративно посмотрела на часы – подарок Марни, – но по-прежнему продолжала молчать.

– Отсюда, кажется, ближе к тебе, да? – не сдавался он.

– В самом деле? – отозвалась я.

Потом принялась водить пальцем по черным столбцам цифр, напечатанных на листе белой бумаги, который был вставлен между двумя пластиковыми панелями. Я старалась делать это естественно и непринужденно, как будто люди только и занимаются тем, что читают расписание автобусов на остановке, и это вовсе не пережиток прошлого десятилетия.

– Думаю, да, – сказал он. – Может, и не намного, но все равно до твоего дома ближе.

Я упорно делала вид, что читаю. За спиной слышались шаги, и я всей кожей почувствовала его приближение. В уши ударило горячее дыхание, густое, влажное и обжигающее парами алкоголя, и я поняла, что он сейчас ко мне прикоснется.

– Джейн? – произнес он и, сделав очередной шаг, очутился прямо у меня за спиной.

Его руки обвили мою талию, и я ощутила на своем затылке шумный и влажный поцелуй. Попыталась ввинтиться каблуками в асфальт, задержала дыхание и напряглась всем телом, чтобы не отшатнуться. Он обнимал меня не особенно крепко, но мне казалось, будто все мое тело сдавлено тисками и я задыхаюсь.

– Как ты смотришь... – Он прочистил горло. – Давай поедem к тебе? – Он принялся водить правой ладонью вверх-вниз по моему животу, с каждым разом забираясь все выше и выше, пока его пальцы не наткнулись на косточки моего лифчика и, совсем осмелев, скользнули по гладкому материалу дальше. – Джейн, мы с тобой... – выдохнул он мне в ухо.

Язык у него заплетался, дыхание было влажным и теплым.

– Стэнли... – процедила я и отодвинулась в сторону, подальше от него, подальше от бетонного столба. – Стэнли, боюсь, никаких «нас с тобой» не существует.

– О, – отозвался он, слегка задетый за живое, но скорее озадаченный, нежели возмущенный. – Но я...

– Дело не в тебе, – отрезала я.

Он с серьезным видом кивнул.

– Дело в твоём покойном муже, да? – спросил он. К нему вновь вернулась самоуверенность; он полагал, что наконец получил ответ на невысказанный вопрос и знает верное средство, способное исцелить мою рану. – Марни сказала...

Она наверняка предупредила его, что следует проявить деликатность и такт и не гнать лошадей.

– Нет, Стэнли, – твердо возразила я. – Дело не в Джонатане. – И это была правда. – И не в тебе. – И это, пожалуй, тоже была правда. – Все дело во мне.

Из-за угла вывернул красный двухэтажный автобус, прорезав ночную тьму ярким светом фар, – в кои-то веки точно по расписанию.

– Как думаешь, может быть, то, что ты сейчас чувствуешь ко мне...

– Мне было с тобой хорошо, – оборвала его я, хотя не знаю, зачем вообще это сказала, потому что нам обоим было совершенно ясно: данное утверждение абсолютно не соответствует действительности. – И можешь на здоровье общаться с Чарльзом, если он тебе так понравился.

Но, думаю, продолжать это дальше нет никакого смысла. Я имею в виду нас с тобой. Прости, – добавила я. – И пока.

Я вскинула руку, и автобус, плавно замедлив ход, остановился передо мной. Я вскочила в салон, а когда двери начали закрываться, преувеличенно оживленно помахала Стэнли. Автобус тронулся, а мой спутник все еще озадаченно хмурился мне вслед.

За время, прошедшее с гибели Джонатана, я встречалась со многими мужчинами. Пожалуй, их было даже слишком много. Причем больше года я ни с кем из них не разговаривала. Но вокруг все начали беспокоиться, переживать, что я чересчур ушла в свое горе, и мне показалось важным убедить сочувствующих, что я по-прежнему активный участник своей собственной жизни. Потому что – это еще одна азбучная истина, и она рано или поздно открывается каждому – общеизвестно, что одинокая женщина, которая не находится в поиске, по крайней мере, романтической любви, практически наверняка глубоко несчастна.

Шутка. Можешь смеяться.

Правда заключается в том, что я не искала другой любви; глупо было рассчитывать на то, что в жизни такой ничем не примечательной серой мышки, как я, может случиться еще одна огромная любовь. У меня был Джонатан, и я даже не представляла, чтобы отношения с кем-то другим хотя бы отдаленно приблизились к тому, что связывало нас. А еще у меня была Марни. И ей приятно было думать, что я все еще в поиске, что я не отчаялась, не потеряла веры в справедливость этого мира.

И тем не менее я старалась ни с кем не встречаться слишком подолгу, отсюда мое стремительное бегство. Отчасти это объяснялось тем, что я находила их всех – и это правда, всех до единого – до отвращения самодовольными и совершенно невыносимыми.

Но есть и другая причина. Где-то в самой глубине души я опасалась, что могу по-настоящему кому-то понравиться.

Скажешь, это звучит слишком самонадеянно? Не спеши с выводами. До Джонатана я считала, что не способна никому внушить подобные чувства. Просто не верила, что кто-то может проникнуться любовью к человеку настолько угрюмому и неуверенному в себе. Но Джонатан разглядел во мне то, что считал достойным восхищения, достойным любви. Он был очарован моей азартной натурой. Его поражало, что я ни разу в жизни не проиграла ни в одной викторине в пабе. Ему нравилось, что я всегда и всюду прихожу заранее. Он изумлялся, когда я за день проглатывала целый роман. Его приводили в восторг моя дотошность, мой перфекционизм и даже стремление самостоятельно развесить в квартире картины. И в конце концов я сама начала любить в себе все эти черты.

Мне не хотелось, чтобы мужчины влюблялись в меня, потому что я никогда не смогла бы ответить им взаимностью. И я знала уже тогда – как знаю сейчас, – что отказ, как волдырь под кожей, как крохотная ранка, может перерасти в нечто значительно более серьезное.

Скажешь, это преувеличение?

Я так не думаю.

Впрочем, сейчас не время об этом говорить.

Хотела бы я рассказать тебе занимательную историю, но, увы, по-моему, она совершенно не подходит для развлечения. За сегодняшний вечер тебе предстоит услышать о множестве смертей. Однако, невзирая на внутреннее сопротивление, я пообещала говорить правду и это обещание наконец-то могу исполнить.

Я до сих пор точно не знаю, с чего же все-таки все началось, и понятия не имею, чем закончится, – но с чего-то же надо начать.

Итак, пару лет назад Марни с Чарльзом жили вместе в своей квартире, я же встречалась с мужчинами, причем ни один из них не стал мне мужем, и моя семейная ситуация была хоть и непростой, но управляемой. Таковы в двух словах обстоятельства, в которых началась эта история. История того, как он умер.

Глава шестая

Большинство женщин под тридцать и чуть за тридцать любят разнообразие, спонтанность, возможность познакомиться с новыми людьми и попробовать в жизни что-то новое. Но только не я. Я навсегда осталась той одиннадцатилетней девчонкой, съездившей от страха в школьном коридоре и ожидающей отвержения. Я никогда не пыталась активно искать с кем-то дружбы, поэтому друзей у меня практически нет.

Потому что у меня уже была подруга, понимаешь? И никто другой – ни смазливые блондинки в тугих джинсовых шортиках, вырезанных так высоко, что из них вываливаются ягодцы, ни парни в мешковатых джинсах и худи, по-братски раскуривающие косячок, ни звезды спорта в трикотажных костюмах и кроссовках, ни прилежные пай-девочки в очках и аккуратных блузочках, ни мальчики из хороших семей, шеголяющие своими костюмчиками, – никто из них не шел с ней ни в какое сравнение. Я в них не нуждалась и поэтому не искала с ними дружбы.

Я знала, что мне нравится. А нравились мне привычный порядок и предсказуемость. И нравятся мне по-прежнему.

Поэтому наутро, после того как Стэнли был выкорчеван из моей жизни, я отправилась навестить свою мать. Она жила в доме престарелых в пригороде, и на дорогу у меня уходило не меньше часа. А поскольку я любила приезжать не позднее девяти утра, чтобы попасть в число первых посетителей, то вставала по будильнику и выскакивала из дому ни свет ни заря.

Субботним утром в вагоне бывало тихо. Обычно среди немногочисленных пассажиров непременно находился господин в деловом костюме, с похмелья после пятничного разгула, затянувшегося до рассвета. Частенько можно было увидеть женщину с коляской, молодую мамашу, пытающуюся чем-то заполнить часы между бодрствованием и сном и между сном и бодрствованием – время, которого у нее еще несколько месяцев назад не было. Иногда в поезде встречались охранники, уборщики, медсестры, ехавшие домой после ночной смены. И всегда была я.

Каждую пятницу вечером я ужинала у Марни, а каждую субботу с утра ездила проведать мать.

Общий зал располагался сразу у входа, и я каждый раз проходила мимо него по пути к комнате моей матери. Я очень старалась не заглядывать внутрь, сосредоточиться исключительно на ее двери в конце коридора, но зал неизменно притягивал мой взгляд. Он казался окном в какой-то другой, потусторонний мир, обладавший странным магнетизмом. Там в креслах и колясках сидело множество стариков, их ноги были непременно укутаны одеялами, а на полу лежал ядерной расцветки пестрый ковер. Он напоминал мне ковры в дорогих отелях, где менеджеры как огня боялись пятен от еды, грязи и косметики.

Здесь пестрая расцветка служила примерно той же цели. Она скрывала грязь, рвоту и, да, все те же пятна от еды, но не от роскошных обедов с тремя переменами блюд под смех, болтовню и вино, а от липкого, вязкого картофельного пюре, нарочно вываленного на пол.

За исключением цветастого ковра, сам зал выглядел довольно нейтрально: голые бежевые стены, ни фотографий, ни картин, ни постеров, и темные кожаные кресла, которые легко было поддерживать в чистоте. И тем не менее на самом деле интерьер не играл никакой роли. Мое внимание приковывали не внешние особенности этого зала, а его обитатели. Он служил декорацией, на фоне которой разыгрывались сцены жизни и смерти, а также всего того, что существовало в зыбком промежутке между тем и другим. Эти люди – эти призраки – пребывали наполовину там, наполовину тут. Их сердца еще бились, кровь струилась по венам, но души уже ускользали, разум слабел, мышцы отказывали. Это было зловещее, жутковатое место

– зал, полный людей, которые уже не были людьми в полном смысле этого слова, жизни, которая почти не была жизнью, смерти, которая была еще не вполне смертью. Моя мать никогда не хотела проводить там время, и сиделки давным-давно перестали ее уговаривать.

Она была у себя в комнате и, когда я вошла, сидела в постели выпрямившись.

Я на мгновение остановилась на пороге, глядя, как она играет с помпончиками, нашитыми на голубой шерстяной плед, накинутый поверх одеяла. Натянув эту конструкцию до самого подбородка, она сложила под ней руки в замок так, что получился холмик. Окно было распахнуто настежь, и прохладный ветерок колыхал занавески, отчего на стене играли дрожащие тени.

В свои шестьдесят два года моя мать страдала ранней деменцией. Врачи в доме престарелых во время своих еженедельных визитов сюда (я с ними редко пересекалась) утверждали, что для такого заболевания это довольно поздний дебют, как будто сей факт должен был служить мне утешением. Этим они, разумеется, хотели сказать, что другим приходилось куда тяжелее. Я это понимала. Впрочем, от осознания того, что кому-то еще хуже, мне легче не становилось.

Я постучалась и переступила через порог. Мать вскинула на меня глаза, и я улыбнулась в надежде, что она меня вспомнит. Ее лицо было неподвижно, лоб прорезали глубокие морщины, губы были постоянно поджаты. Руки же ее под одеялом жили своей жизнью, ни на миг не останавливаясь, и я знала, что она указательным пальцем одной руки ковыряет сухую шершавую кожу вокруг ногтей на другой.

Иногда на то, чтобы меня узнать, ей требовалось несколько минут. Она пристально смотрела на меня, и я понимала, что она перебирает пухлые папки, погребенные где-то глубоко в закоулках ее разума, пытаюсь осмыслить мое появление, опознать мое лицо, вспомнить мой наряд, отчаянно силясь расшифровать эту новоприбывшую.

Сейчас, оглядываясь назад, мне трудно поверить в то, что она прожила там полтора года. Я воспринимала ее пребывание там как временное. Что-то вроде чистилища. Тогда мне, как бы неправдоподобно это ни звучало, в голову не приходило, что, разумеется, дом престарелых – это временно. Он – перевалочный пункт, но не между какими-то двумя моментами в жизни, а на самом ее краю.

Диагноз ей поставили в шестьдесят, и к тому времени она уже почти год жила одна. С отцом они развелись, он давно ушел. У меня несколько месяцев были подозрения, что с ней что-то не так, но я решила, что это, наверное, депрессия. Она стала раздражительной, как никогда, цеплялась ко мне из-за каждого пустяка: то я налила слишком много молока ей в чай, то грязи в дом натащила на обуви.

Потом она начала сквернословить. За первые двадцать пять лет моей жизни она ни разу – во всяком случае, в моем присутствии – не произнесла вслух ни единого нецензурного слова. В самом крайнем случае могла вполголоса пробормотать себе под нос «блин» или «вот ахинея». А тут вдруг стала обильно пересыпать свою речь трехэтажными ругательствами. «Я же просила тебя налить мне самую капельку этого сраного молока!.. Ты разнесла эту гребаную грязь по всему гребаному дому!»

Иногда она забывала, что к ней должна приехать дочь, несмотря на то что я никогда не отклонялась от заведенного порядка. Каждую субботу с утра я как штык стояла у нее на пороге. С той стороны двери слышалось шарканье шлепанцев по ковру. Потом звякала дверная цепочка. Дверь приоткрывалась на пару дюймов, и мать высовывала в щелочку нос. Она подозрительно сканировала меня взглядом с ног до головы и говорила:

– О... Мы с тобой договаривались на сегодня?

Я начала подозревать ее в злоупотреблении спиртным и потащила к врачу. Пока я объясняла ситуацию, он то и дело кивал, и я была уверена, что он понимает. Я была уверена, что он точно знает причину таких изменений в ее характере, знает ответы, которые мне не удалось найти в Интернете, и назначит лечение, которое положит всему этому конец.

– Менопауза, – произнес он, когда я закончила описывать симптомы, и с авторитетным видом кивнул. – Совершенно определено менопауза.

На следующее же утро моя мать упала с лестницы. Мне позвонил наш сосед. Он услышал за стеной странный шум и, к счастью, не постеснялся заглянуть в квартиру, воспользовавшись запасным комплектом ключей. Много лет назад, когда мы всей семьей ездили в Корнуолл, ключи дал соседу отец, попросив в наше отсутствие поливать цветы и кормить рыбок.

Когда я примчалась, мать сидела на диване в плотно запахнутом халате и, сжимая в ладонях чашку с остывшим чаем, препиралась с соседом. Тот настойчиво убеждал ее съездить в приемный покой больницы и показаться врачам, просто на всякий случай.

– Ой, вот только ты тоже не начинай, – взвилась она при виде меня. – Я задумалась и случайно оступилась. Я пришла бы в себя через пару минут, но разве наш Мистер Длинный Нос мог удержаться от того, чтобы не сунуться не в свое дело и не заявиться сюда, как будто он здесь живет. И хватило же наглости!

Наш сосед, человек добрый – я лично в ответ на столь вопиющую грубость и неблагодарность была бы далеко не так терпелива и снисходительна, как он, – пообещал, что будет за ней приглядывать. Он сказал, что работает дома, поэтому всегда поблизости. И добавил: стены в доме тонкие, так что он будет включать музыку потише на тот случай, если ей в будущем снова понадобится помощь.

Я немедленно задалась вопросом: сколько же наших скандалов он слышал за прошлые годы?

Еще через пару недель мать упала снова. Сосед услышал грохот и вызвал «скорую». У матери был рассечен лоб в том месте, где она приложилась к перилам. Ничего страшного, заявила она, это пустяк, всего лишь царапина, но сосед настоял, чтобы ее забрали в больницу. Когда через два часа я вбежала в палату, рана еще кровоточила.

Занимавшаяся нами врач, женщина приблизительно моего возраста, нахмурилась, услышав, как я, кивая с умным видом, уверенно заявила:

– Менопауза.

– Вы полагаете, что это менопауза, миссис Бакстер? – спросила она у матери, и та насупилась. – Я не утверждаю, что это не менопауза, – продолжила врач, – но вы лично тоже так считаете?

Мать в ответ вскинула ту бровь, которая не была залита кровью, потом со вздохом покачала головой.

– В таком случае я хотела бы проверить кое-какие свои подозрения. Вы не возражаете?

Мать вновь покачала головой.

Несколько часов спустя ей был поставлен предварительный диагноз «деменция». Она еще несколько месяцев прожила дома в одиночестве, и ее состояние плавно прогрессировало. Но когда шесть месяцев спустя диагноз окончательно подтвердился, она переехала в дом престарелых, где ей был обеспечен уход и присмотр, которые мне, даже живи я с ней под одной крышей, организовать было бы не под силу.

Я опустила в кресло, пристроив плащ у себя на коленях. Потом раскрыла было рот, чтобы заговорить, но мать сделала предупреждающий жест. Ей необходимо было найти нужную папку, и она отказывалась от моей помощи.

– Ты опоздала, – произнесла она наконец.

– Всего на несколько минут, – отозвалась я, извернувшись, чтобы взглянуть на часы, висевшие у меня над головой.

– Поезд задержался? – спросила она.

Я кивнула.

Моя мать вернулась. Ее взгляд стал теплым и осмысленным. Иногда мне становилось страшно, что она сдалась, что она готова позволить деменции, точно плесени, распространиться по ее мозгу, завладеть ею изнутри и разрушить последние остатки ее личности. Однако в такие дни, как сегодня, у меня появлялась уверенность в том, что она еще борется, сопротивляется всеми доступными ей способами, отказываясь покоряться пустоте, прежде чем это станет неизбежно.

– Ты порвала с тем мальчиком? – спросила она.

До вчерашнего дня мы со Стэнли дважды встречались, и одно свидание даже не было отвратительным. Пикник в парке, просекко в пабе. Я рассказала ей об этом в свой прошлый приезд неделю назад. Кроме того, я добавила, что Стэнли адвокат и страшно скучный тип, и вообще, единственное несомненное его достоинство – это восхитительно мягкие волосы.

Она явно была горда тем, что вспомнила наш разговор недельной давности. Чаще она могла восстановить в памяти лишь общую тональность дискуссии: была ли она на меня сердита, или, наоборот, довольна мной, или же просто наслаждалась моим обществом, – но иногда выдавала и мелкие подробности. Помнится, я даже подозревала, не записывает ли она их после моего ухода в качестве подсказок на следующую неделю. Может, это был способ сохранить связь с реальностью, в то время как разум изо всех сил пытался из нее выпасть.

– Со Стэнли? – уточнила я.

– Наверное. – Она пожала плечами. – У меня тут, – она постучала себя по лбу, – не хватает места, чтобы запомнить все имена.

– Если со Стэнли, то да, – ответила я. – Вчера вечером.

– Ну и хорошо, – сказала она. – По-моему, он Джонатану и в подметки не годился.

Деменция – отчасти даже кстати – стерла из памяти матери подробности моих отношений с Джонатаном. Она помнила лишь, что я влюбилась в него, а потом он умер. Что совершенно не отражало того, что произошло на самом деле.

Не то чтобы мои родители не любили Джонатана. На самом деле, думаю, он им нравился: он был обаятелен, остроумен и всегда безупречно вежлив. Но скорее всего, они испытывали к нему обычную симпатию родителей к первому бойфренду дочери. Он считался неплохим вариантом. Подходящим. Но замужем за ним они меня категорически не представляли.

Когда я сообщила отцу и матери, что мы обручились, они были в ярости. Эти двое за предыдущие десять лет ни разу не сошлись во мнении ни по единому вопросу, а тут вдруг в один голос заявили, что я совершаю непоправимую ошибку. Мы слишком уж разные, твердили они. Ну да, Джонатан любил простор и свежий воздух, я – домашний уют. Он любил людей и шум, я – все привычное и тишину. Думаю, родители считали, что он недостаточно хорош, недостаточно умен, недостаточно зарабатывает на своей операторской работе. Однако мне было плевать на это.

В недели, последовавшие за нашей помолвкой, мать постоянно названивала мне, иногда по несколько раз на дню, и пыталась убедить меня, что я ломаю себе жизнь. Она бесконечно сотрясала воздух фразами о том, что любовь – это не так просто, как кажется, что это штука слишком сложная, слишком многоплановая, чтобы я в свои годы могла это понять, и что брак сейчас, в этом десятилетии, в этой жизни – шаг неразумный. Она доказывала мне, что мы оба слишком молоды, слишком наивны, слишком упрямо стремимся к тому, что лежит за пределами нашего понимания. Я слышала, как фоном свистит в трубке воздух: разговаривая, она туда-сюда расхаживала по коридору, доходила до конца и, круто развернувшись, шла обратно, тяжело вздыхая в паузах. Мать не говорила этого прямо, во всяком случае в такой формулировке, но, думаю, она пыталась уберечь меня от собственной ошибки, от брака, который низвел все множество ее жизненных ролей до горстки невыразительных слов: «жена», «мать», «страдалица».

Она сказала, что я должна сделать выбор; я выбрала Джонатана.

Наверное, это решение должно было даваться мне нелегко. В реальности все обстояло с точностью до наоборот.

Наедине мы с Джонатаном были самими собой. Найти человека, с которым я могла не притворяться и который, в свою очередь, был предельно настоящим со мной, было величайшим счастьем. В присутствии же других, в особенности моих родителей, мы оба пытались быть самую чуточку лучше – тут чуточку остроумнее, тут чуточку мягче, тут чуточку нежнее. Мы подстегивали себя, чтобы казаться парой, с которой окружающим легко. Он отпускал шуточки в мой адрес, беззлобные подколки, вызывающие смех у других мужчин и у моего отца, а я вела себя более обходительно, приносила Джонатану напитки, спрашивала, не хочет ли он добавки, и была готова подать ему что-нибудь из кухни по первому его требованию: пусть только крикнет. А наши прикосновения друг к другу порой казались наигранными: его рука на моей талии, моя голова на его плече. Когда же мы оставались вдвоем, наши тела сливались в единое целое, сплетались в клубок рук и ног, прижимались кожа к коже.

Выбор был очевиден.

Наверное, я думала, что мать со временем смирится с моим браком, примет его как данность. Мне казалось несправедливым, что она решила изображать из себя любящую родительницу именно сейчас.

Когда мне было почти четыре, на свет на семь недель раньше срока совершенно неожиданно для всех появилась моя младшая сестра Эмма. Ее немедленно забрали в реанимацию и поместили в кувез, а мать увезли в операционную, чтобы остановить неукротимое кровотечение. Несколько недель спустя они обе вернулись домой, но за этот месяц с небольшим все переменилось. С каждым днем мать все больше заикливалась на здоровье младшей дочери: беспрерывно тревожилась, не замерзла ли она, не голодна ли, дышит ли. В результате я сблизилась с отцом – в те трудные дни, по мнению матери, что бы тот ни делал, все было не так, – она же присутствовала в моей жизни разве что чисто физически. Ей было не интересно ни рассказывать мне сказки на ночь, ни рассматривать мои первые школьные фотографии, ни вникать в перипетии моей детской жизни. После рождения Эммы она вообще утратила ко мне всякий интерес, так что теперь мне слабо верилось, чтобы сейчас, когда я стала взрослой, она вдруг вспылала ко мне материнскими чувствами.

Вскоре после моей свадьбы отец подал на развод и съехал из дома. Джуди, его секретарша и давняя любовница, годом ранее овдовела и теперь грозилась уйти от отца, если он не оформит их отношения официально. Угрозы матери всегда казались какими-то неубедительными; Джуди же, по-видимому, преуспела в этом искусстве несколько больше. Ни для кого из нас не стало неожиданностью, что отец выбрал ее.

Я думала, что, возможно, оставшись без мужа, мать потянется ко мне. С моей стороны это было очень наивно.

Мы с ней за какой-то год и двух слов не сказали друг другу. Помню, ожидала от нее звонка в свой день рождения – ведь мать связана с дочерью фактом ее рождения, по крайней мере, – но она так и не позвонила. Как не позвонила и после гибели Джонатана. Я гадала, придет ли она на похороны. Она не пришла. Я не сообщала ей, где и когда они состоятся, но все же думала – и в глубине души даже надеялась, – что она выяснит это у кого-то еще.

Но совершенно неожиданно через месяц с небольшим она вдруг начала слать мне имейлы, один-два в неделю, – ничего существенного, всякие новости о вещах или событиях, вдруг напомнивших ей обо мне: анонс об открытии мебельного магазина в ее районе, журнальную статью, трейлер к фильму, который она видела по телевизору и который, по ее мнению, мог мне понравиться.

В конце концов я ответила, что смотрела тот фильм и он показался мне скучным, – и между нами каким-то образом завязался неловкий диалог. В то время я была зла на нее, очень зла, слишком много оставалось между нами недоговоренного. И я начала ловить себя на том,

что вставляю в свои сообщения эти маленькие порции правды, маленькие порции гнева, завуалированные в язвительных ремарках, высказанных вроде бы ни в чей конкретно адрес, резких выходах из переписки, а порой в долгих паузах между ответами. Гораздо проще было расковыривать эти старые раны, чем разбираться с огромным горем, душащим меня.

Я ненавидела ее. Ненавидела всей душой. А однажды вдруг поняла, что больше не испытываю ненависти. Она тоже потеряла мужчину, которого любила. А потом и нечто неизмеримо большее: разум и воспоминания. Наши жизни протекали в совершенно разных плоскостях, и тем не менее мы обе были надломлены, и каждая видела в зазубренных краях чужой трещины что-то свое, знакомое. После двадцати лет взаимного непонимания у нас наконец-то нашлось что-то общее.

Мало-помалу я обнаружила, что тоже способна стереть из памяти воспоминания о той давней драме; она была делом рук не этой пожилой женщины, этой матери, а другого человека, который навсегда остался в прошлом.

- Да, – произнесла я наконец. – Стэнли был совсем не похож на Джонатана.
- Ну, значит, туда ему и дорога, – подытожила она. – Ты так не считаешь?
- Да, пожалуй, – отозвалась я.

Я включила телевизор, и мы вместе посмотрели новости. Подросток погиб, получив удар ножом; уличные камеры видеонаблюдения запечатлели нападавшего, но опознать его по зернистому стоп-кадру было решительно невозможно. Дискредитировавший себя политик давал интервью прессе: вместо того чтобы принести извинения, он юлил перед журналистами, точно уж на сковородке, пытаюсь оправдаться. Затем показали всхлипывающую молодую мать: лишенная социального пособия, она оказалась не в состоянии ни оплачивать ребенку ясли, чтобы выйти на работу, ни выйти на работу, чтобы оплачивать ясли. На наших лицах, меняющих выражение в унисон, поочередно отразились потрясение, презрение, сочувствие.

Наконец ведущий пожелал нам всего доброго, и я, взяв плащ и сумку, бесшумно выскользнула из комнаты, оставив мать дремать под бормотание телевизора. На экране уже шла заставка какой-то новой телевикторины.

Я рассказываю тебе про свою мать, чтобы ты понимала, какую роль она играла в этой истории. Это важно. Да, я ее ненавидела, но я ее простила. Помни об этом.

Глава седьмая

Идти на ужин к Марни и Чарльзу в следующую пятницу мне было не с кем, но я частенько приходила одна и с нетерпением ждала конца рабочей недели. Однако в середине дня Марни позвонила мне с предупреждением, что ужин сегодня не состоится, поскольку Чарльз решил сделать ей сюрприз и везет ее на выходные в Котсуолдс. Она звонила из машины, и я слышала в трубке шум автомобилей, пронесившихся мимо по шоссе. Интересно, давно ли она узнала, что уезжает? И чего молчала? Наверняка он сообщил ей об этом заранее, как минимум за два-три часа, ведь у нее было время собраться и выехать из города с его вечными пробками и узенькими улочками, которые заставлены припаркованными по обочинам машинами и утыканы светофорами через каждые несколько сотен метров. Она могла бы позвонить мне и пораньше.

– И куда вы едете? – спросила я зачем-то, хотя ответ меня не слишком интересовал.

– В какой-то отель, – ответила она. В трубке раздалось шуршание, и я представила, как Марни поворачивается к Чарльзу, – наверняка тот сидел за рулем, по своему обыкновению единолично выбирая путь. – Как он называется? – спросила она.

Я слышала, как он что-то говорит, но отдельных слов разобрать не могла, все сливалось в одно сплошное бормотание; его голос эхом метался по железной коробке машины.

– Чарльз не помнит, – сказала Марни. – Но... – снова то же шуршание в трубке, – навигатор говорит, что туда еще два часа езды.

Я представила их рядышком: Марни, беззаботно сбросившую туфли на коврик и с ногами устроившуюся на пассажирском сиденье, и Чарльза в модной рубашке и теплом джемпере: он был из тех мужчин, которые любят водить машину, опустив стекло и выставив локоть в окошко, но при этом осеннюю прохладу не жаловал.

– Джейн! – прокричал Чарльз, будто бы издали. Потом последовало более тихое, даже вкрадчивое: – Она меня слышит?

– Слышу-слышу, – заверила я.

– Продолжай, – ответила Марни, но адресовано это было не мне. – Она говорит, что слышит.

– Джейн! – гаркнул он снова. – Могу я попросить тебя об одном одолжении? Я хотел бы, чтобы эта прекрасная женщина в грядущие выходные принадлежала только мне одному. Что скажешь? – спросил он. – (Я прижала подушечку большого пальца к динамику, чтобы приглушить звук.) – Могу я рассчитывать на тебя? Это всего двое суток. Ты выдержишь, я в тебя верю.

Марни рассмеялась, вернее даже, по-девчачьи захихикала, поэтому я тоже засмеялась и прокричала в ответ:

– Без проблем! Она в полном твоём распоряжении!

Ну а что мне оставалось? Что еще я могла сказать? Я понимала, что это все означает.

– Но ты же придешь к нам на следующей неделе? – спросила Марни. – В то же время, что и всегда?

– Да, – ответила я. – В обычное время.

– Предупреди меня, если будет Стэнли, – сказала она.

– Его не будет, – отозвалась я.

– О, – оторопела она. – Вот как? Очень жаль.

Она была искренне удивлена, как часто бывают удивлены оптимисты, когда реальность идет вразрез с фантазиями. Марни всегда надеется, всегда предполагает, что следующий мужчина окажется *тем самым*, и совершенно напрасно, поскольку факты говорят об обратном. Ни один из моих поклонников, как она их называет, не появлялся у нее на ужинах больше раза или двух.

– В общем, если захочешь кого-нибудь привести, предупреди меня. – Марни нажала кнопку отбоя, и в трубке наступила тишина.

Я знала, что затеял Чарльз, и мне было страшно. Я сделала глубокий вдох, с шумом втягивая в себя воздух, потому что мою грудь словно опоясал тугий обруч, ребра содрогались от озноба, а горло то и дело перехватывало.

Ты уже в курсе насчет обручального кольца. Я считала, что оно спокойно лежит в ящике прикроватной тумбочки Чарльза; у меня не было никаких оснований предполагать, что это не так. Однако теперь я была совершенно уверена, что оно стремительно удаляется от Лондона, надежно упрятанное в кармане куртки, или в потайном отделении чемодана, или в бардачке сверкающей белой машины.

Лежа в постели в тот вечер, я представляла себе это кольцо. Вот оно, ждет своего часа в гостиничном номере, где-нибудь в ящике. У меня перед глазами стояла красная бархатная коробочка, а в ней – полоска золота с тремя ослепительными белыми бриллиантами.

Я ненавидела одну мысль об этом. Ненавидела одну мысль о том, что она может выйти за него замуж.

В детстве у Марни были довольно сложные отношения с родителями: скорее рабочие, нежели родственные. Ее мать и отец были врачами, причем исключительно успешными каждый в своей области. Они постоянно находились в разъездах, так что Марни и ее старшего брата Эрика начали оставлять одних дома на несколько недель кряду, едва они научились самостоятельно добираться до школы и готовить себе еду. Родители появлялись в хорошие дни – на родительских собраниях и школьных концертах, – но в целом в жизни дочери практически не присутствовали. В плохие дни, в нормальные дни, в будни, из которых и состоит наша жизнь, рядом с ней не было никого.

До меня. Это была моя роль. Я любила ее безгранично, безоговорочно, беззаветно.

Чарльз считал, что он тоже может претендовать на эту роль. Но он ошибался. Потому что послать на чей-то столик в баре бутылку шампанского – не самоотверженность, а любовь к дешевым эффектам. Роскошная квартира – не проявление щедрости. Это бездумная расточительность. А дорогущее кольцо – символ вовсе не глубины чувств, а тупой самоуверенности, проявление чванства, приемлемого только для людей вроде Чарльза.

На кольцо я наткнулась в ящике его прикроватной тумбочки несколькими месяцами ранее.

Марни с Чарльзом на неделю уезжали в отпуск. Кажется, на Сейшелы или на Маврикий, точно не помню, – а у нас в Лондоне обещали в это время адскую жару. Марни переживала из-за цветов, которые развела на балконе: как они выдержат неделю на солнцепеке без дождей? Чарльз утверждал, что она волнуется из-за ерунды, ведь это всего лишь цветы, в конце концов всегда можно купить новые.

Я ела свой ужин, слушая их препирательства, и совершенно сознательно хранила молчание. Я покривила бы душой, если бы стала уверять, что их ссора не доставляла мне удовольствия, – видя, что Чарльз совершенно не понимает Марни, я испытывала некоторое злорадство, однако знала: вмешиваться бесполезно. И тем не менее у меня язык чесался сказать Чарльзу, что он ведет себя как полный придурок и, если эти цветы так важны для Марни, они должны быть важны и для него. Но я молчала.

На следующее утро Чарльз позвонил мне с просьбой: не могла бы я во время их отпуска заезжать к ним и поливать эти несчастные цветы?

Машину я не вожу. На метро от меня до их дома добираться более получаса. Так что сразу было понятно, что мне это будет не особенно удобно.

Неужели у них нет друзей, живущих по соседству, подумала тогда я, может, каких-нибудь коллег Чарльза, которые, как и он, могли позволить себе шикарную квартиру в старинном доме? Наверняка были, не иначе. И все-таки Чарльз попросил меня.

Наверное, потому, что я их самый близкий друг, мелькнула мысль.

Хотя, разумеется, я знала, что это не так.

Меня попросили об услуге, оттого что знали: я не откажу. У Марни была куча друзей, как и у Чарльза, но я оказалась самым простым и надежным вариантом.

Чарльз сообщил, что оставит ключ у консьержа и если я смогу заскакивать к ним в будни после работы, а хорошо бы и еще разок в субботу, это будет просто здорово.

В понедельник я вышла из офиса в половине седьмого, осатаневшая от целого дня сидения за компьютером и попыток объяснить нескончаемым покупателям, почему их посылки не были доставлены в назначенный срок. После смерти Джонатана я не ходила на работу почти десять недель, а вернувшись, обнаружила, что мы больше не продаем мебель и меня перевели в службу поддержки, так что теперь моя обязанность – отвечать на телефонные звонки. Руководство полагало, что там у меня будет масса возможностей сделать значительный вклад в процветание компании, однако в моем представлении это было понижение в должности.

По выходным горячая линия не работала, поэтому в начале недели приходилось тяжелее всего. К понедельнику те, кто не дождался доставки заказа в субботу, были настолько раздражены и возмущены отсутствием садовой мебели для барбекю, подарков ко дню рождения сына, нарядов для важного мероприятия, что уже не могли держать себя в руках. Дозвонившись, они принимались шипеть, плевать, браниться и орать в трубку. А я была вынуждена часами распинаться перед ними, извиняясь, успокаивая, уговаривая, обещая исправить наши упущения и в качестве компенсации отправляя небольшие суммы на их счета.

У дома Марни и Чарльза я была в начале восьмого.

– Могу я взглянуть на ваши документы? – осведомился консьерж, когда я спросила про ключ.

– У меня при себе их нет, – ответила я. – Но, Джереми... – (У него на груди был приколот бейдж.) – Вы же много раз видели меня здесь, как минимум каждую неделю, и вам известно, кто я такая. Послушайте, я даже вижу у вас на столе конверт с ключом. Там написано: «Джейн Блэк». Вы же знаете, что это мое имя.

– Значит, документов никаких нет? – уточнил он.

– Боюсь, что так, – отозвалась я.

Свои слова я сопроводила самой лучезарной из арсенала своих улыбок и была порядком удивлена, когда он с заговорщицким видом протянул мне конверт и сказал:

– Чур я вам ничего не давал.

Я поднялась на лифте на нужный этаж и, когда двери открылись, вышла в холл. Над головой у меня немедленно вспыхнула лампочка. Мы с Марни целый год выходили из лифта на синий ковролин, да и дом, в котором я жила сейчас, предлагал подобный опыт (с той лишь разницей, что ковролин был серо-коричневый, но точно такой же грязный и вытертый). Тут же обстановка была совершенно иной, и я неизменно чувствовала себя слегка уцербной. На стенах висели картины в рамах, причем на каждой в правом нижнем углу красовалась подпись автора, а с потолка свисали изящные подвесные светильники. Паркетный пол сверкал лаком, и единственным свидетельством того, что по этим коридорам когда-либо ступала чья-то нога, был еле заметный, чуть выцветший пяточок на ковролине перед двумя лифтами.

Я вошла в квартиру и – как это ни глупо – удивилась, что в комнатах не горит свет. По пятницам я звонила в дверь, и Марни выскакивала мне навстречу, с улыбкой распахивая ее, а потом вновь торопливо скрывалась в кухне, чтобы перемешать, приправить или встряхнуть что-нибудь на плите. Обыкновенно на столешнице была установлена камера, снимавшая процесс приготовления очередного кулинарного шедевра. Кратковременная отлучка Марни в

связи с моим приходом регулярно фигурировала в ее статьях и рецептах, а также в видеороликах.

Мне всегда хотелось куда-нибудь пойти поужинать с ней. Я грезил о том, чтобы мы опять остались вдвоем. Но ей нужно быть в кухне, говорила Марни, тем самым она оплачивала свою половину ипотечного взноса за квартиру. Чарльз отчаянно нуждался в женушке, хозяйушке, той, что безраздельно принадлежала бы ему. Но я знала, что не о такой участи мечтала Марни, и была с ней солидарна.

Из коридора до меня доносилась ее реплика на камеру:

– Ну вот, Джейн появилась в нужный момент, когда я и надеялась.

Я тихонько прикрывала за собой входную дверь и останавливалась, чтобы послушать.

– Потому что я могла спокойно выскочить в коридор, зная, что у меня тут ничего не убежит и не пригорит и мне не придется оттирать плиту и спасать пошедший комками соус.

Я слушала, как она колдует в кухне: вот заскребла о дно кастрюли ложка, вот зашипело в сковородке разогретое масло, вот захлопали ящики и дверцы кухонного гарнитура, – а потом в конце концов она произносила ту фразу, ради которой я прислушивалась, которую ждала. Это неизменно было что-то вроде:

– Но вы же помните, что я всегда говорю, да? Джейн для меня практически член семьи. И я знаю, что она там сейчас вешает свое пальто, или снимает обувь, или еще что-нибудь делает, а потом спокойно пойдет и нальет себе чего-нибудь выпить или откупорит бутылку – *mi casa es su casa*², и все такое прочее. Если же ваши гости более требовательны, советую вам начинать готовку с тем расчетом, чтобы они подошли уже в конце следующего этапа, когда вы сможете безболезненно сделать перерыв и встретить их как полагается.

Да, в такие моменты я тоже стояла в прихожей одна, но это было совершенно иное ощущение. Тогда квартиру заливал свет, он горел повсюду, горели лампы на потолке и торшеры в каждом углу. Горели ароматизированные свечи, расставленные на декоративных экранах для батарей, на каминной полке, на кофейном столике, мерцающие на каждой горизонтальной поверхности. Я всегда слышала голос Марни: она щебетала что-то, разговаривая сама с собой, со своей аудиторией, со своей неуклонно растущей армией подписчиков. Что-то неизменно булькало на плите, и французские окна, ведущие на балкон, непременно были открыты настежь, так что с улицы доносился свист ветра, шум и гудки машин.

Но в тот вечер квартира была темна, тиха и безлюдна.

Никогда прежде я не бывала тут в отсутствие хозяев. И мне это неожиданно понравилось – понравилось ощущение свободы от чужого присутствия; квартира казалась ничьей, опустевшей.

Я далеко не сразу нашла лейку (под раковиной в ванной) и ключ от балконной двери (в кухонном ящике рядом с чайными ложками). Когда я наконец выбралась на балкон, уже почти стемнело, но можно было различить паутинки, висящие между листьями цветов, тоненькие ниточки, тянущиеся от стеблей к прутьям ограды балкона, поблескивающие в свете фонарей. Я заметила даже паучка, маленького и коричневого, восседавшего в самом центре паутины. Я занесла над ним носик лейки, и струя воды потекла, унося все – и его самого, и паутину, – вниз, на патио.

Домой я вернулась почти в девять вечера.

На следующее утро я сложила в небольшой чемоданчик кое-какую одежду и туалетные принадлежности, которых мне должно было хватить до выходных. Я даже взяла свое постельное белье. Марни и Чарльзу нужен был посетитель, гость, заглядывающий в квартиру время от времени, на полчаса в день, исключительно ради того, чтобы полить цветы. Вместо этого они получили кого-то вроде квартиранта.

² Мой дом – твой дом (*ит.*).

Вряд ли они стали бы особенно возражать, но ставить их в известность я не собиралась.

В тот вечер я вошла в их квартиру и снова остановилась в темной прихожей. Этой квартире предстояло стать моим домом – пусть даже всего на неделю. Я зажгла везде свет – в точности так, как любила Марни, – и застелила кровать своим комплектом белья. Потом разложила продукты по полкам холодильника и шкафчикам, включила радиоприемник и принялась осматривать книжные шкафы. Определить, какая часть библиотеки принадлежит Марни, а какая Чарльзу, не составляло труда: его книги в большинстве своем были в темном переплете с золотым тиснением на корешке, ее же – в пастельных тонах, главным образом розовые и желтые, с затейливой вязью заголовков.

Каждый вечер я возвращалась с работы и зарывалась в складки *их* подушек; тонкий слой темного налета полз вверх по кафельной плитке в *их* ванной; тусклые пятна бальзама для губ покрывали *их* зеркала.

Есть что-то очень странное и одновременно расслабляющее в одиноком пребывании в чужом доме. Помнится, я отчетливо ощущала присутствие хозяев, хотя они находились на другом краю земли, нас разделяли часы перелета, целые континенты. У меня было такое чувство, что я вижу эту пару в истинном свете впервые. Я рылась в кухонных шкафчиках, пытаясь узнать, какие приправы у них любимые, а какие так и стоят непочатыми. Прошерстила ящики комода и с изумлением обнаружила, что Марни превратилась в женщину, которая носит нижнее белье исключительно комплектом. Проинспектировала аптечку – полный ассортимент разнообразных обезболивающих на все случаи жизни, леденцы от кашля, бежевые пластыри и термометр в нераспечатанной упаковке – и почувствовала, что теперь знаю Марни с Чарльзом немного лучше, чем прежде.

В прикроватной тумбочке Марни хранилась всякая всячина, ничего примечательного: несколько упаковок бумажных носовых платков, россыпь пробников из косметических магазинов, исписанные ручки, старые открытки, пустые блистеры из-под таблеток, пара старых солнцезащитных очков, дешевенький плетеный браслетик, который она привезла из нашей совместной поездки в Грецию еще в университетские времена. В тумбочке Чарльза я обнаружила три журнала, две закладки, четыре флешки, стопку поляроидных фотографий со свадьбы кого-то из друзей – на одной была запечатлена Марни в синем шелковом платье, которое я помогала ей выбирать, – и в самом дальнем углу красную бархатную коробочку в коричневом бумажном пакетике.

Так что я знала, к чему идет дело; у меня было время морально подготовиться.

В воскресенье днем я все еще валялась в постели, когда Марни позвонила мне во второй раз. Я поднесла телефон к глазам и посмотрела на ее имя, большими буквами написанное на экране, на фотографию – Марни на своей кухне: в фартуке, узлом завязанном на талии, с выбившимися из прически рыжими прядями, заправленными за уши. Я сделала этот снимок два года назад, когда сменила телефон на более новую модель.

Я собралась с духом и ответила.

– Джейн? – закричала она мне в ухо. – Джейн! Ты меня слышишь?

– Ну конечно, – сказала я. – В чем дело? Что случилось?

Я прекрасно знала, в чем дело и что случилось, и тем не менее предпочла станцевать этот ритуальный танец.

– Чарльз сделал мне предложение! – завопила она. – Он попросил меня выйти за него замуж! – Она была совершенно не в состоянии контролировать громкость и скорость потока своих слов. – Сейчас пошлю тебе фотографию кольца. – Судя по звуку, она принялась тыкать пальцами в экран, потом снова поднесла трубку к уху. – Ну как, получила?

Мой телефон завибрировал. Я, разумеется, уже знала, что должно появиться на экране. И все же пока была не готова увидеть, как это кольцо поблескивает у нее на пальце, на ее белой коже, привязывая Марни к весьма специфическому будущему.

– Нет еще, – отозвалась я. – Но наверняка она скоро придет.

Я собиралась взглянуть на фотографию, но попозже. Я намеревалась положить бутылку вина в холодильник, прибраться в квартире, выйти на прогулку. Потом, через несколько часов, когда на улице станет тихо и темно, я открою сообщение и заставлю себя посмотреть на фото.

– Ты же придешь, правда? – спросила она. – Ну конечно! Придешь на свадьбу? Может, мы даже поженемся за границей, посмотрим, пока еще точно не решили. Ты сможешь мне выбрать платье?

– Ну конечно, – отозвалась я. Не уверена, что в моем голосе было достаточно энтузиазма. – Конечно, – произнесла я еще раз, надеясь, что бездумные повторения создадут иллюзию восторга, хотя на самом деле мне было тошно, как никогда.

– И ты будешь моей свидетельницей, – заявила она. – Будешь, правда?

– Да, – ответила я. – Ну конечно же буду.

– Ладно, мне пора закругляться, мы уже едем домой, а мне нужно сделать еще несколько телефонных звонков и... Ох, Джейн, разве это не самая потрясающая новость на свете? Не верится, что все это происходит на самом деле, просто не верится. Ты напишешь мне, когда получишь фотографию? Или я могу отправить ее еще раз. Кольцо – это что-то с чем-то, настоящая бомба. Думаю, оно тебе понравится. Или хотя бы скажи, что тебе нравится. Но я совершенно уверена, что оно в самом деле тебе понравится. Ладно, я несу всякую чушь, Чарльз уже закатывает глаза – все-все, я уже заканчиваю! – так что давай поговорим попозже, в пятницу увидимся, если не раньше, и – да-да, хорошо! – целую тебя!

И она нажала отбой.

Глава восьмая

В тот вечер я рано легла, всего через несколько часов после звонка. Я полулежала в подушках, потяя в своей фланелевой пижаме, и смотрела на экран телефона. На фотографию руки с ладно сидящим на безымянном пальце кольцом. Оно было очень красивым, но против воли представлялось мне сделанным из веревки, арканом, способным задушить, скорее концом, нежели началом чего-то. Рука, хотя и бесспорно принадлежавшая Марни, с ее тонкими изящными пальцами и ухоженными маникюренными ноготками, казалась чем-то чуждым, самостоятельным существом, не имеющим отношения к моей подруге.

Я проснулась резко, как от толчка, – было десять минут третьего ночи, – взмокнувшая от пота и дрожащая, с абсолютной уверенностью, что забыла сделать что-то ужасно важное. И тут я осознала, что Марни снова звонила мне из машины – не только в первый раз, но и во второй тоже. В трубке снова слышался дорожный шум и шуршание шин.

Я могла дать голову на отсечение, что Чарльз не стал бы – никогда в жизни – делать предложение в машине. Это было совершенно не в его стиле. Он устроил бы все иначе: цветы, и шампанское, и скрипачи, и, пожалуй, лунный свет вдобавок. Я была немного удивлена, что Марни не позвонила мне сразу.

Марни в шестнадцать лет влюбилась в парня по имени Томас. Ему было семнадцать, он был под два метра ростом и играл за сборную округа по регби. Она была без ума от его мужественного подбородка, твердого пресса, широких плеч и сильных рук. А я не могла не тарашиться на его неестественно большой лоб. Но надо признать, Томас отличался исключительным обаянием, хотя кто-кто, а я не из тех, кого легко подкупить хорошими манерами, харизмой и саркастической ухмылкой.

Я не возненавидела его, хотя стоило бы. И не убила, хотя надо было.

Не надо. Не смотри на меня так.

Перестань меня осуждать и слушай дальше.

Мне нравилось, как развивались их отношения. Он надеялся благодаря своим спортивным достижениям попасть в какой-нибудь престижный университет и практически все время или тренировался, или соревновался. По сути, почти каждый вечер плюс непреременный матч в выходные. Виделись они нечасто, и их роман поддерживался посредством обмена записками в школьных коридорах, километров сообщений и перемигиваний в столовой.

Настало лето с погожими утрами и длинными влажными днями. Я не придавала значения тому, что Марни по-прежнему носит толстовки, пока однажды во время обеда она рассеянно не закатала рукава и я не заметила у нее на руке повыше локтя четыре одинаковых синяка. Она перехватила мой взгляд и наплела какой-то ерунды: дескать, ударилась о спинку кровати.

Не знаю, как я могла столько времени ничего не замечать! Теперь она прятала от меня свой телефон, хотя раньше читала сообщения вслух и мы вместе сочиняли ответы. Она стала вспыльчивой и раздражительной, нервной и скрытной. Где были мои глаза?

Я поняла, что происходит. И решила положить этому конец.

Прямо под окном ее спальни на стене их дома была закреплена шпалера, увитая глицинией. Я залезла по ней в комнату. Открыла ее шкаф. Забралась туда и уселась по-турецки, удобно устроившись на куче вещей.

И стала терпеливо ждать.

Я знала, что в тот день у Томаса игра. Марни собиралась болеть за него на стадионе, и я знала, что потом они придут к ней, потому что ее родители ушли на музыкальное представление к ее брату, а в наши юные годы пустой дом был искушением слишком сильным, чтобы его игнорировать.

Щелкнул замок входной двери, и я услышала шаги в прихожей, потом в кухне пустили воду, хлопнула дверца кухонного шкафчика, звякнул стакан, выставленный на мраморную столешницу. Потом до меня донесся скрип лестничных ступеней под их ногами, прошуршала по ковролину дверь, застонали пружины кровати.

Я вытащила из кармана мобильный, включила диктофон и поднесла его к щели между дверцами, куда просачивался свет. Ту запись я до сих пор помню до последнего слова.

«Знаешь, давай лучше... – говорит она. – Давай лучше как-нибудь в другой раз».

«Ой, да брось ты», – отвечает он.

«Нет, – говорит она, – я серьезно. Давай ты просто...»

«Но ты же сама сказала, – возражает он. – Ты сказала, сегодня. А теперь что? Вот так взяла и передумала, да?»

«В следующий раз, – говорит она. – Честное слово. Просто... мои родители. Они могут вернуться в любую минуту».

«У тебя есть кто-то другой, да?» – ни с того ни с сего заявляет он.

«Нет! Честное слово, нет! – горячо возражает она. – У меня нет никого другого. Честное слово».

«Ты же знаешь, что, если бы я захотел, я бы это сделал, да? Ты ведь это знаешь, правда?»

«Пожалуйста, Том. Давай не будем...»

«Я могу сделать все, что захочу. Ты ведь это знаешь».

«Прекрати, – говорит она. – Хватит уже. Не надо мне угрожать».

«Ты считаешь, что это угроза? Это обещание».

Она начинает плакать.

«Мои родители уезжают на следующие выходные», – говорит он и поднимается (скрипят пружины матраса), открывает дверь (шорох дерева по ковролину) и уходит.

Я остановила запись, но осталась сидеть в шкафу.

Через несколько минут Марни пошла в туалет, и я вылезла из шкафа и, выбравшись из окна, спустилась по шпалере. Запись я с анонимного электронного адреса отправила тренеру сборной Томаса, и его без лишнего шума убрали из команды. Он еще некоторое время слал Марни угрожающие сообщения, но мы с ней читали их вместе, и больше она его не видела. Она предложила мне составить ей компанию на занятиях по самообороне – там преподавали смесь разных боевых искусств, – и меня очень радовала мысль, что мои действия сделали нас более сильными и стойкими, не такими уязвимыми. Приятно вспоминать до сих пор.

Должно быть, Марни догадывалась, что это я записала его угрозы и послала тот имейл. Правда, мне она никогда ничего не говорила. Но если бы она считала, что я перегнула палку, то наверняка сказала бы. И тем не менее в последующие месяцы она время от времени поворачивалась ко мне, явно собираясь о чем-то спросить, но тут же передумывала и закрывала рот.

Сейчас-то я верю и надеюсь, что она догадалась. И уже в тот момент ей стало ясно: наши корни так плотно сплетены друг с другом, толстая, заскорузлая кора в местах самых плотных сочленений так истончилась, обнажая с обеих сторон нежную сердцевину, что мы совершенно неразделимы. Меня не оставляет надежда, что Марни знала: мы обе готовы друг для друга на все – безоглядно, чего бы это ни стоило, во что бы то ни стало, на веки вечные.

Свадьба должна была состояться девять месяцев спустя после того, как Чарльз сделал предложение, в первую субботу августа. Я боялась, что их помолвка все изменит, но, к счастью, на устоявшемся порядке нашей повседневной жизни она не сказалась никак. Эти месяцы прошли как по маслу. Мы с Марни по-прежнему регулярно разговаривали друг с другом, иногда по несколько раз на неделе. Наши совместные пятничные ужины тоже никуда не делись, и, хотя застольная беседа частенько сворачивала на обсуждение приготовлений к свадьбе, откровенно

говоря, я ожидала гораздо худшего. Так что, к огромному своему облегчению, я убедилась: мы по-прежнему те же, что и всегда.

В начале последнего уик-энда незамужней жизни Марни, вечером в пятницу, мы с ней сидели рядышком на полу в ее квартире и привязывали серебристые ярлычки с именами гостей к маленьким подарочным коробочкам с засахаренным миндалем. За предыдущие недели внушительный список дел, которые необходимо было закончить к свадьбе, изрядно поредел, и оставались лишь всякие мелочи, последние штрихи.

– Когда приезжает мать Чарльза? – спросила я. – Она остановится у вас?

Мне нужно было продеть тонкую серебряную нить через маленькую дырочку в бумаге, а кропотливость никогда не была моей сильной стороной.

– Эйлин? – переспросила Марни. – Ой. Я не знаю. Вряд ли. Хотя... Не знаю, где еще она может остановиться. Погоди-ка. – Она принесла из кухни ноутбук и открыла его, опустившись на диван. – Не знаю... – повторила она. – Очень надеюсь, что она будет жить в другом месте. Иначе мне придется застилать постель и все такое прочее.

– Я могу тебе помочь, – сказала я.

И мы перешли к меню, в каждом из которых следовало дыроколом пробить отверстия наверху, продеть в них ленту и завязать ее бантом.

Чарльз явился домой приблизительно через час. Было около девяти вечера. Стоило ему переступить порог, как мы немедленно поняли, что он не в духе: хлопнула входная дверь, грохнул брошенный на паркет портфель, а сам жених запыхтел, должно быть снимая пиджак и вешая его на перила лестницы.

– Схожу взгляну, как он там, – прошептала Марни.

Из коридора до меня доносился ее голос, негромкий и оживленный, мелодичный, звучащий практически как песня. И ответы Чарльза, резкие, сухие и отрывистые. И если поначалу он выплескивал на нее раздражение, накопившееся за день, то потом и ее голос изменился, в нем стали проскальзывать пронзительные нотки, и, вместо того чтобы успокоить Чарльза, она и сама начала заводиться.

– Послушай, я только что вошел в дом! – вспылил он. – И ты с порога бросаешься задавать мне какие-то вопросы про свадьбу. Я понятия не имею, Марни. Я вообще не в курсе всех этих вещей.

– Я задала тебе вопрос про твою мать, – возразила она. – Она же твоя мать, не моя.

– Ее присутствие под вопросом.

– Но она есть в плане рассадки гостей.

– Ну так зачем ты вообще ее туда внесла? – огрызнулся он.

– Затем, что она твоя мать, – не сдержалась Марни. Потом, понизив голос, уже мягче добавила: – Разве она не приедет? Мы сто лет ее не видели, и...

– Я иду в душ, – оборвал он ее и решительным шагом двинулся по лестнице на второй этаж.

Марни простонала и вышла в кухню.

До меня донесся шум бегущей воды, потом включилась конфорка, и Марни принялась говорить что-то на камеру, уже как обычно, нараспев. Я продолжала резать, продевать и завязывать ленты и складывать готовые меню в коробки.

Минут через десять Чарльз появился в гостиной, уже переодетый в джинсы, с мокрой после душа головой, и плюхнулся на диван рядом со мной. Он был такой большой, такой высокий – шесть с лишним футов роста, широкие плечи, накачанные мышцы, ради которых мужчины так убиваются в спортзале, просто потому, что хотят казаться сильными.

– Ты ее не приглашал, – произнесла я, отмеряя отрезок ленты между пальцами.

– Что? – спросил он.

– Ты врешь, – сказала я. – Ты ее не приглашал.

Не думаю, что он горел желанием признаться мне – будь у него выбор, он предпочел бы этого не делать, – но его заминка обнажила правду.

– Я не хочу, чтобы она присутствовала, ясно? – буркнул он.

– Я понимаю твоё желание, – кивнула я, и это была чистая правда. – Я не стала звать своих родителей к себе на свадьбу.

– Вот именно, – заявил он.

Вероятно, он не понял меня, решил, что наши родители похожи и мы с ним думаем одинаково, в то время как это было совершенно не так.

– Потому что она больна, – продолжил он. – А я не уверен, что буду в состоянии терпеть все это в день собственной свадьбы, понимаешь? Если она там будет, это будет её день, а не наш. Ты не представляешь себе, как люди реагируют на чужую болезнь. Стоит мне выйти с ней куда-нибудь, как все сразу же хотят поговорить про этот её чертов парик, непрерывную тошноту и про диеты, которые излечивают рак. Это просто дурдом какой-то. Мне кажется, это ей нравится. Нравится быть в центре внимания. Думаю, оно придает её жизни смысл. Придает смысл болезни. В общем, проще будет её не приглашать.

– Но она же твоя мать, – сказала я.

– И что?

Он уже вытащил из кармана телефон и отвлекся на кого-то ещё где-то в другом месте.

– Не можешь же ты не пригласить её из-за того, что она больна, – проговорила я. – Она вообще в курсе того, что происходит?

– Не исключено, – отозвался он без малейшей тени смущения в голосе. – Полагаю, в какой-то момент моя сестра могла что-нибудь ляпнуть.

– И мать на тебя не обиделась?

– Понятия не имею, – пожал плечами он. – Я не интересовался. Мы с ней не особенно близки.

– Это жестоко, – сказала я.

Он положил телефон на столик и провел пальцами по влажным волосам.

– Не думаю, что ты имеешь право в чём-то меня упрекать, – заявил он, вытирая мокрую ладонь о диванную подушку. – Учтывая, что ты сама не пригласила своих родителей. И это моя свадьба, так что решать мне. А я не люблю больных людей.

– Чего ты не любишь? – спросила Марни, которая вошла в комнату со стопкой бело-голубых керамических тарелок и столовым серебром в руках и услышала лишь обрывок последней фразы.

Она поставила свою ношу на стол.

– Я не пригласил свою мать, – сказал он.

– Потому что она больна, – добавила я.

– Что? – переспросила Марни и принялась раскладывать сначала ножи, а потом вилки. – Потому что она больна? Но разве это не та причина, по которой её *нужно* пригласить?

– Вот именно, – процедила я.

– Нет, – отрезал Чарльз. В его тоне не было злости, как тогда, в прихожей, но он был твердым и решительным. – Это мой выбор, – продолжил он. – А я не хочу видеть её на своей свадьбе. Я не люблю больных людей.

– А что, если я заболею? – поинтересовалась Марни, расставляя по местам тарелки.

– Это совершенно другое дело, – сказал он.

Она посмотрела на меня и вскинула бровь, и, хотя вслух ни одна из нас не произнесла ни слова, нам обоим было совершенно ясно, что на самом деле никакой разницы нет. И тем не менее, хотя это заявление привело меня в ужас, думаю, Марни была скорее раздосадована. Теперь ей нужно было в срочном порядке менять план рассадки гостей.

– Если ты действительно так считаешь, я сделаю вид, что этого разговора никогда не было, – произнесла она невозмутимо. – Думаю, так будет лучше всего.

С этими словами она вновь скрылась в кухне, и Чарльз включил телевизор, а я вернулась к своим меню, а потом мы уселись ужинать, как будто в самом деле ничего не произошло.

Однако этот странный диалог засел у меня в голове. Поскольку для меня он стал подтверждением того, что Чарльз недостаточно хорош для Марни и что он никогда, никогда не будет и не может быть достаточно хорош. У меня был конкретный момент, к которому я могла вернуться, – момент, когда он собственноручно дал мне все основания считать, что недостойн женщины, на которой собирался жениться.

Я была крайне собой довольна.

Это плохо?

Ведь нашлось подтверждение тому, что моя ненависть к Чарльзу не была беспричинной и незаслуженной, напротив, она являлась обоснованной и справедливой. Более того, это доказывало мою невысказанную мысль: я в самом деле лучше его. Я заботилась о тех, кто во мне нуждался, – таково было мое понимание любви, долга, семьи.

Я видела, что он не был готов на все ради близких – безоглядно, чего бы это ни стоило, во что бы то ни стало.

Глава девятая

И вот этот день, первая суббота августа, наконец настал, и, вопреки неблагоприятному прогнозу, погода оказалась неожиданно теплой, а небо неожиданно ясным. Гостей было сотни, из каждого периода жизни новобрачных: из школы, университета, с работы, причем некоторые никогда раньше друг с другом не встречались – супруги дальних родственников, друзья родителей, младенцы, то вопящие, то смеющиеся без видимых причин. Гости съехались в Виндзор со всего света: сестра Чарльза с мужем только этим утром прилетели из Нью-Йорка, его тетя с дядей, прервав свой годичный отпуск, прибыли из Южной Африки, а брат Марни Эрик, оторвавшись ради свадебных торжеств от своей важной работы, – аж из Новой Зеландии.

Ты скажешь, что я кривлю душой, но я обещала тебе полную правду, и вот она: это действительно был один из лучших дней в моей жизни. Мы с Марни вместе провели утро в доме ее родителей, прямо в пижамах позавтракали тостами с джемом, потом она принимала ванну, а я сидела на кафельном полу рядом с ней, вытянув ноги, и мы говорили о том, как встретились тогда в той длинной очереди в коридоре, и о прочих вещах, которые цеплялись одна за другую и в конечном счете сложились в цепочку, что и привела к этому самому моменту.

Я смотрела, как она выходит замуж за мужчину, которого я ненавидела, – а она любила, и это было вовсе не так ужасно, как мне представлялось. Я смотрела только на нее, жадно впитывая взглядом ее облик: рыжие волосы, уложенные в узел на затылке, бриллиантовое кольцо на шее, пышные белые юбки, длинную кружевную фату, – и радовалась вместе с ней. На свадебном банкете я переела, перепила и натанцевалась до кровавых мозолей и тем не менее чувствовала себя великолепно.

Как ни странно, мне даже понравилась речь Чарльза, честное слово. Я ожидала, что это будет тошнотворно, – думала, он станет говорить о непревзойденной силе своей любви, о крепости своих чувств, о том, как брак наполнит их отношения новым смыслом, – но все оказалось совсем не так. Он сказал, что никогда не встречал никого столь решительного, столь творчески одаренного, столь бесстрашного. Что немедленно, с первого же мгновения, едва только увидев ее, понял: она единственная в своем роде, особенная, не похожая ни на кого другого. То, что он говорил о ней, было чистой правдой, и я поймала себя на том, что против воли киваю.

Я ни разу не присела, до тех пор пока, уже далеко за полночь, большинство гостей не разъехалось. Музыканты складывали свои инструменты, две подружки невесты запихивали перебравших гостей в такси, которые должны были развезти их по домам. Официанты убирали оставшиеся бутылки вина и пива обратно в коробки, а распорядитель зала составлял в штабеля стулья. Двери оранжереи были распахнуты, и в еще не успевшем остыть воздухе пахло вечерней свежестью и пылью. Гирлянды, украшавшие сад, мерцали в темноте, и я поняла, что слегка пьяна, потому что огоньки выглядели смазанными, словно свет растекался за границы стеклянных лампочек и пачкал своей желтизной темноту.

Чарльз опустил на скамью рядом со мной и поблагодарил меня за мой вклад – он так и сказал «вклад», – и я на мгновение почти поверила в его искренность. Жилет на нем был расстегнут и болтался на плечах, грозя сползти; темно-синий галстук-бабочку он и вовсе где-то бросил. Мы стали смотреть, как Марни кружится на танцполе. Подол ее шелкового платья за день из белоснежного стал практически черным. Щеки ее порозовели, рыжие кудри выбились из прически и, влажные от пота, обрамляли лицо.

– Она – это что-то невероятное, правда? – сказал Чарльз.

Я кивнула.

Сейчас я до конца не уверена, что все происшедшее дальше было на самом деле, – со временем мои воспоминания утратили четкость и стали расплывчатыми. Не исключено, что это была злая шутка подсознания, которую сыграла со мной моя ненависть, – иллюзия, резуль-

тат слишком большого количества шампанского и слишком большого количества злости. И все же я так не думаю.

Чарльз откинулся назад, прислонившись спиной к стеклянной стене оранжереи, и с удовлетворенным вздохом заложил руки за голову.

– Что-то невероятное, – повторил он снова.

С этими словами он опустил руки, и одна из них, очутившись у меня за головой, коснулась моей шеи сзади. Он притянул меня к себе и поцеловал в лоб. Губы у него были мокрые и блестящие, и, когда он отстранился, облизанное место обожгло холодом.

– Мы – везучая парочка, – пробормотал он.

Язык у него заплетался. Я тоже многовато выпила, отрицать не стану, но он был совсем уж откровенно пьян, я никогда его таким не видела. Его левая рука скользнула по моему плечу к ключице, миновала подмышку. Я задержала дыхание и замерла. Я не хотела делать вдох, чтобы моя грудная клетка не расширилась, приблизившись к его ладони. Его кисть переместилась и застыла в дюйме от моей груди, пригвождая меня к скамье. Я не могла пошевелиться, потому что при малейшем движении моя грудь неминуемо оказалась бы прижатой к его ладони, – и это прикосновение сделало бы вынужденный физический контакт еще более оскорбительным для меня.

Чарльз засмеялся хрипло и грубо.

– Ох, Джейн, – произнес он и кончиками пальцев провел по моему соску под желтым шелком платья.

Я опустила подбородок, невольно, как замороженная, глядя на свою грудь. Он вдавил в меня свою ладонь, а потом, уже убирая ее, на мгновение сжал мой сосок между большим и указательными пальцем.

Хотела бы я сказать тебе, что дала ему отпор. Хотела бы я, чтобы у меня хватило храбрости бросить ему вызов. Наверное, он был бы поражен – думаю, я сумела бы распознать искреннее изумление, – и тогда стало бы ясно: ничего не произошло, мне просто показалось.

Но я никак не отреагировала, так что теперь этого уже не узнаешь.

– Мне просто не верится, что все уже почти закончилось, – выдохнула Марни, присаживаясь рядом с нами и опуская голову ему на плечо. – Какой день! – добавила она. – Все прошло как нельзя лучше, правда же?

Чарльз неторопливо убрал руку. Она скользнула по моей шее, по плечам, осторожно удаляясь, пока наконец я не перестала ощущать его прикосновение. Между нами, словно демаркационная линия между враждующими государствами, появился промежуток, прослойка свежего воздуха, прохладного и желанного, как никогда.

– Все в порядке? – забеспокоилась Марни. – Что тут происходит?

Чарльз посмотрел на меня, и, если ты поверишь в то, что я протрезвела настолько, чтобы верно истолковать его взгляд, знай: он требовал от меня молчания.

– Ничего, – отозвалась я, незаметно отодвигаясь на другой конец скамьи, подальше от них, с этой их любовью. – Ровным счетом ничего.

Так я солгала Марни во второй раз.

Ты сама видишь, правда же, что у меня не было выбора? Что я могла сказать? В ответ на честное признание она почувствовала бы себя обязанной сделать выбор. Да что там говорить, я же была ради нее готова на все – безоглядно, чего бы это ни стоило, во что бы то ни стало. Тогда я считала, что это всего лишь манипулирование правдой, только бы Марни была счастлива, только бы ничто не омрачило ее счастья. Только бы защитить наши корни.

То, что я скажу сейчас, чистая правда. Тот день ни на йоту не изменил моих чувств к Чарльзу. Я ненавидела его многие годы, и тот день ровным счетом ничего не значил.

Наверное, жестоко говорить, что их любовь была самой оскорбительной, вопиющей, гнусной любовью из всех мне известных? Жестоко, я знаю. Но она рождала во мне омерзение. Я

ненавидела его лицо, ненавидела эту вечную ухмылку, игравшую на его губах, эту нарочитость, с которой расширялась его грудь, когда он делал вдох, эту его манеру барабанить по столу пальцами, как бы говоря «вы мне надоели». Я ненавидела ощущение, вызванное его прикосновением сквозь тонкую ткань платья, но ненависть, что я испытывала ко всем прочим аспектам его существования, была ничуть не меньше.

Я с радостью вычеркнула бы его из своей жизни навсегда. Знаю, с такими словами мне сейчас надо быть осторожнее, потому что это звучит как *намерение*. Я же имею в виду, что рада была бы, если бы в наших историях никогда не было общих глав, если бы чернила его жизни не оказались на страницах моей и наши пути текли параллельным курсом, никогда не пересекаясь.

Но сожалею ли я о его смерти? Нет. Не сожалею.

Ни капли.

Ложь третья

Глава десятая

Я сказала ей, что ничего не произошло, ничего не случилось.

И сегодня больше, чем когда-либо, это кажется существенным, важной частью истории, твоей истории. Я не подразумеваю мотив – пожалуйста, не пытайся превратно истолковать мои слова, – но, когда происходит что-то неожиданное и пугающее, шаги, которые привели к этому моменту, предстают перед тобой в ином свете.

Кроме меня, только один человек знал о том, что произошло в тот вечер, один человек – и вот теперь ты. Ему – вернее, ей – я рассказала обо всем на следующий же день, задолго до того, как побоялась признаться, что между мной и Чарльзом когда-то было нечто большее, нежели «ничего».

Наутро после свадьбы я лежала в постели и делала вид, что голова у меня не раскалывается от боли, что я сейчас не отдала бы что угодно за стакан воды, что мне вовсе не нужно срочно бежать в туалет, что я в полном порядке... И тут в дверь позвонили.

Шторы были задернуты, но солнце пробивалось по краям тонкими полосками света, и в нем танцевали золотистые пылинки. Пол давно пора было пропылесосить, а может, даже и вымыть, но я знала, что не стану делать ни того ни другого. В спальне царил разгром, повсюду были разбросаны книги и журналы, но меня так мучило похмелье, что мне было все равно. На полу перед распахнутым шкафом валялась куча одежды – колготки вперемешку с джинсами и джемперами. У окна примостился колченогий деревянный стол, на нем громоздились стопки чистых вещей и постельного белья, а венчали все это великолепие лифчик и утягивающие трусы, которые я надевала накануне на свадьбу. Мое нарядное шелковое платье висело с обратной стороны двери в спальню. Под мышками темнели пятна пота, юбка местами была в каких-то белесых разводах, – видимо, я пролила на себя шампанское. В комнате стоял спертый, застоявшийся воздух, пахнувший сном и потом. Казалось бы, находиться здесь омерзительно, нестерпимо! И тем не менее все это было знакомо и привычно – и комната, и беспорядок, и запах.

Я замерла, как будто шорох постельного белья мог просочиться сквозь дверь моей спальни в коридорчик, а оттуда на лестничную площадку.

В дверь снова позвонили.

Потом послышались тяжелые удары – три, один за другим, – и хлипкая дверь заходила ходуном на своих петлях.

– Джейн?

Я немедленно узнала голос. Явилась Эмма, моя младшая сестра и моя полная противоположность. Между нами было даже больше различий, чем у меня с Марни. Если я – тьма, а Марни – свет, то Эмма совмещала в себе то и другое сразу. У нее были не только очень темные волосы и очень бледная кожа, она вся была соткана из противоречий: исключительно уязвимая и при этом неукротимая, перепуганная и вместе с тем отважная, надломленная и в то же самое время негибкая.

В дверь позвонили в третий раз. Эмма не отпустила кнопку звонка несколько секунд, так что трезвон разнесся по всей квартире.

– Я же знаю, что ты там! – крикнула она.

Я неподвижно лежала под одеялом, отказываясь пошевелиться.

– Я принесла завтрак! – сменила тактику Эмма.

Она возвысила голос к концу фразы и слово «завтрак» практически пропела. Сестра знала, что зашла с козырей, и не просто с козырей, а с козырного туза, и знала, что я тоже это знаю.

По будням моя обычная утренняя еда – это миска с хлопьями. Как правило, я выбирала овсяные хлопья, которые на вид и вкус напоминали переработанный картон, размоченный в густом жирном молоке, по консистенции больше похожем на сливки. Как ни забавно, на вкус оно было менее сладкое, нежели его обезжиренная альтернатива. Впервые я попробовала его несколькими годами ранее, сразу же после гибели моего мужа, когда полностью отказалась от сладкого, пытаясь стать как можно тоньше, уменьшиться в размерах до самого доступного человеческому существу минимума. Это было ошибкой. Потому что никакие, пусть даже самые пустяковые, решения, принятые вследствие огромной потери, не могут быть разумными. Поэтому другие компромиссы – бурый рис, брауни из свеклы, отказ от фруктовых соков – были очень скоро позабыты.

Но по выходным мне всегда хотелось чего-нибудь сладенького.

– Чувствуешь запах круассанов? – продолжала искушать меня Эмма. – Свеженькие, только что из булочной. Объедение!

Она умолкла, прислушиваясь к тому, что делается за моей дверью. Я представила, как она стоит на вытертом серо-бежевом ковролине, под ярко-желтой лампой и переминается с ноги на ногу, теряя терпение и злясь на то, что ее игнорируют.

– Давай уже, Джейн! – закричала она. – Я не могу стоять у тебя под дверью весь день!

Я медленно уселась и, свесив ноги с кровати, сунула их в тапочки. Я любила сестру – правда, любила! – но с пониманием чужих границ у нее всегда было туго. Она не видела ничего ненормального в том, чтобы без предупреждения заявиться с утра пораньше и ломиться в квартиру, барабаня в дверь и крича, чтобы я еепустила. Потому что мы с ней всю жизнь были в одной лодке и вместе справлялись со всеми тяготами, невзгодами и повседневными мелочами.

Впрочем, это не совсем точно. Вернее было бы сказать, что я постоянно тянула на буксире ее лодку. Я была для Эммы жилеткой, в которую она плакалась. Я была ухом, которое выслушивало ее признания, плечом, на которое она опиралась, рукой, за которую она держалась. Она изливала на меня все свои горести, пока ей не становилось легче. А дальше я несла и нянчила ее страхи вместо нее.

Так было всегда. Я страдала от недостатка родительской любви, а она, наоборот, от избытка, и, возможно, я удивлю тебя, если скажу, что и то и другое одинаково невыносимо. Ей, задыхавшейся в роли любимицы, было отчаянно необходимо личное пространство. И я стала ее союзницей, ее надежной гаванью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.